РОМАН МЕРЦ

РЕЛИКВИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗРЫВА

Реликвия

Роман Мерц

Реликвия. Книга 2. Эволюция разрыва

«Автор»

2026

Мерц Р.

Реликвия. Книга 2. Эволюция разрыва / Р. Мерц — «Автор», 2026 — (Реликвия)

Мир, построенный на абсолютном порядке, начинает разрушаться. Древние системы теряют власть над реальностью, а сила, скрытая в Реликвии, пробуждает то, что веками оставалось погребённым под слоями чужой воли.Эйрен и Лира оказываются в центре событий, способных изменить судьбу Двенадцати Домов. Их пути связаны тайной живого Семени, памятью древних миров и силой, природу которой ещё предстоит постичь.Каждое новое открытие приближает их к главному вопросу: что произойдёт, когда существо осознает собственную природу и начнёт действовать из своей глубины?Вторая книга трилогии «Реликвия». История о свободе выбора, цене пробуждения и столкновении живого сознания с системами, стремящимися управлять самой жизнью.

© Мерц Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 21
Глава 4 28
Глава 5 36
Глава 6 45
Глава 7 52
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Роман Мерц
Реликвия. Книга 2. Эволюция разрыва

Глава 1

Фантом чужого завтра

Дорина знала своё тело. Каждый сдвиг пласта, каждый выдох гейзера, каждое движение тепла в глубине — всё это было её дыханием, её пульсом, её собственной песней, которую она слышала раньше, чем та становилась звуком.

Она дышала медленно, одним долгим вдохом за оборот, держа всё, что было ею: леса, воду, живую сталь, верфи над собой в холоде, и детей, которых носила.

Дети росли из неё самой, в лонах орбитального кольца. Она тянулась к ним долгими жилами, гнала сок — тот же, что питал её сердцевину. Молодой корабль лежал в лоне мягким, свёрнутым туго, тесно. Она видела, как наливается вдоль хребта первая мышца. За мышцей шла жила, за жилой — тонкая сеть, что расходилась к бокам и врастала в живую сталь, ещё мягкую, тёплую, податливую под её соком. Внутри малого тела просыпалась первая полость — будущее лоно, где однажды ляжет свой седок. Кожа корабля лоснилась плёнкой, дышала всей поверхностью, пила её тепло и росла. Она грела его изнутри, из глубины кольца, и слушала, как в новом теле заводится собственный тихий ток — первый, слабый, отдельный от неё. Он уже начинал биться сам.

Через всех детей она тянула живую нить — тонкую, крепкую. По этой нити слышала каждого в любой дали.

Один ребёнок звал из остывших миров. Другой грелся у дальнего дома. Третий спал у края мёртвой земли. Она держала их всех, каждого по имени.

Над ней стояли старшие корабли Селены — исполины из живой стали и янтаря. Они заслоняли её от тёмного холода, что тянулся к живому теплу.

Издалека, через множество складок к ней пришёл зов.

Он нёс песню, которую она хранила в себе очень давно: голос дочери. Той, что была Оракулом и звала уже однажды — там, у горящей земли, — и звала теперь снова, ведя домой родные корабли.

Она распахнула лоно верфей, погнала сок наверх, готовя дом принять детей, согреть, залечить. Они шли домой. Она это слышала. И спешила навстречу, вся обращаясь в тепло, гоня сок наверх, к своим.

И в это тёплое ожидание вошло чужое.

Что-то в ней было чужое.

Глубоко, там, где она поворачивалась из нынешнего дня в завтрашний, — что-то стояло поперёк. Малое. Тонкое. Чуждое её телу.

Там, в глубине, где решалось, куда ей завтра течь, лежал тонкий надрез — ровный, умелый, положенный чужим касанием. Её собственный ход был отведён на корешок в сторону, прочь от той дороги, какой она вела себя от начала. Малый сдвиг, тоньше самой тонкой её жилы, — и всё же она чувствовала его, как чувствуют занозу глубоко под кожей: мелкую, живую, чужую.

Она прошла по этому месту снова и снова, огромными медленными кругами. Искала того, чья это работа. Искала имя, лицо, волю — хоть что-то, за что взяться. Касание истаяло. Надрез лежал в ней чистый, гладкий, стёртый.

Он вошёл глубже коры. Глубже брони старших. Глубже самой её плоти — туда, куда исполинам Селены закрыт всякий вход.

Старшие плыли над нею плотной грядой, стерегли её от холода, — а чужое лежало уже внутри, по ту сторону всякой стражи. Тот же сдвиг увёл и их взгляд: там, где надрез отвёл её завтра, у старших мутилось внимание, и стража их скользила мимо больного лона, будто оно скрылось у них из глаз. Одно кольцо верфей выпало у них из счёта — то самое, где под тёплой стеной уже расходился шов.

Он коснулся её там, где она была совсем одна. И увёл её ход на завтрашний день. Увёл в сторону, покачнул равновесие.

Из глубины Дорины поднялось встречное. Малое, её собственной крови, оно качнулось навстречу чужому надрезу само, своей волей. Так в раненом теле набухает живое поверх раны, прежде всякого решения, одной волей плоти жить.

Оно шло поперёк чужого касания, своей дорогой, той, что надрезу враждебна. Дорина растила его тихо. Что растила — таилось от неё самой. Тень осталась в её теле, скрытая и тёмная, а мать всё тянула тепло навстречу детям — сквозь надрез, сквозь сдвиг, сквозь чужой умысел в её завтра.

В теле матери залегла чужая тень. Тёмная, тихая, сокрытая даже от неё самой. Дорина несла её в себе и берегла своё живое дальше, держала равновесие меж жизнью, что питала, и тьмой, что таилась внутри.

Так и длила она свою тихую песнь жизни — растила и берегла всё живое вокруг, а чужая тень лежала в самой её глубине, ожидая своего часа.

«Сирокко» вздрогнул подо мной, и я очнулась.

Щека лежала на палубе, и та дышала ровно, глубоко, и это дыхание входило в меня через плоть, собирало тело обратно. Шелест за ухом шевельнулся первым — слабо, тихо — и пустил по шее тонкую нить тепла.

Тело помнило тяжесть и помнило, как глубина Дорины подняла его из-под этой тяжести. Живое под щекой качало меня мерно, тем древним материнским движением, каким мать баюкает дитя у себя внутри.

Имя. Лира. «Сирокко». Круг у Семени.

Память вставала в очередь, как положено. Мы стояли у Дорины уже долго. Сколько — тело считало смутно; много часов сон держал нас у самого ядра. Семя вело курс всю дорогу от мёртвого мира, пока мы спали вповалку у него в кругу, — тянуло нас к матери тёплой тягой, и корабли шли за ним сами, сцепленные живой сетью.

Дорина, что у планеты Древних дотянулась до нас через складки и поделилась соком, теперь укрыла своих в тёплой глубине. Все эти часы «Сирокко» пил из неё тёплое и гнал его в нас снизу, под кость, в вены, в самые узлы. Мать кормила своих. Тепло входило в меня медленными толчками, сводило тело обратно в целое — настолько, чтобы встать.

Я подняла голову. Тёплый свет ядра омывал палубу ровным дыханием, и в этом золотистом свете лежали трое, прижавшись друг к другу у переборки рубки.

Тал оберегал сон Рины. Симбионт на его плече гудел сыто, и плечо под ним уже темнело живым — он чинил себя прежде всех, чинил даже теперь.

Рина дышала редко, пепел укрывал её кожу серой пылью. Веста у шрама тлела угольком под золой.

Мира обхватила себя руками, она смотрела на Семя. Лада у её горла опала до шёпота.

«Сирокко» дышал под ними, подводил тепло к каждому — грел своих певиц глубоко, из-под палубы, тёплыми жилами, что расходились под ними живой сетью.

Исай привалился к дальней стене, один среди спящих тёплых.

Корабль грел всех. Тепло его находило каждого, вливалось под кожу, чинило. К Исаю оно тоже шло — и отступало у границы мёртвого, сходило с солёной стороны. Живое пробовало его согреть и всякий раз отдёргивалось. Он сидел на краю чужого тепла и чувствовал спиной: другим оно достаётся, его минует.

Рваный край на щеке за эти часы затянуло глухо. Живое сошло с мёртвого, Соль забрала ещё полосу лица — тихо, буднично, по своему всегдашнему праву.

А внутри у него было другое. Там, в остывшем мире, серая пустота звала его домой. Звала тихо, ласково, своим. И он до сих пор слышал этот зов. Он выбрал живых — и сидел теперь среди них, в тепле, которое его отталкивало, и держал свой выбор один, молча.

Народ, что звал его вождём, остался там, в остывшем мире. Он вынес их всех в себе — и здесь, в тёплом кругу, впервые остался с этим наедине.

Я перевела взгляд через круг, туда, где у дальней стены держался Эйрен. Он вцепился в живую стену корабля, и я видела по тому, как легли его плечи, каким трудом даётся ему стоять. Губы потрескались, скулы обтянулись.

Между нами натянулась нить — та самая, что держалась у нас с Оракула, от моего узла к его узлу. Я потянулась по ней к Эйрену привычным движением. И застала иное. В том месте, где раньше я встречала его — открытость, тепло, тот тонкий пульс, — теперь дышало третье. Живое, юное. Оно поднялось из глубины сплетённых голосов и легло между нами, стало частью нашей связи.

Оно грелось в самой сердцевине нити и дышало в такт нам обоим, и вибрировало тихо, ровно, как туго натянутая струна. Я слышала теперь Эйрена сквозь него. Он слышал меня сквозь него.

Эйрен чуть склонился. Слова для того, что мы оба уловили, ещё спали в нас.

Исай поднял голову. Он сделал это первым из всех — раньше контура, раньше корабля.

Солевой нагар на руках его дрогнул, натянулся, пошёл трещиной. Он почувствовал это раньше, чем понял — Соль в его плоти узнавала родное себе: разрыв ткани пространства, грубый, прямой, положенный поверх живого. Обожжённая Солью сторона видела разлом там, где живое ещё молчало. И в этот разлом уже втекало иное — холодное, стёртое, чужое.

— Там, — сказал он хрипло, обратив мёртвую половину лица в чёрную даль. — Впереди. Живое рвётся. И в разрыв лезет мёртвое.

«Сирокко» закричал — ударил тревогой снизу, из самого киля. Пульс палубы сбился — ровное глубокое дыхание сорвалось в частую дрожь, и дрожь эта прошла через плоть нас всех разом. Шелест за ухом ощетинился, вскинулся из дремоты, полоснул по шее жаром.

Спящие вздрогнули. Тал уже подобрался, рука его сошла с виска Рины, легла на живой пол, читая, что стряслось.

— Верфи, — Эйрен назвал место тому, что услышал Исай.

Голос его прошёл через связь прежде, чем через воздух: он держал сейчас оба корабля, слышал то же самое и с «Проксимы».

Я подхватилась на ноги. Тело качнуло, сухая жажда ударила в горло, — я устояла, вцепившись в живую переборку корабля, и стена под ладонью частила, вибрировала чужой тревогой.

Впереди, за обшивкой, за чёрной пустотой, где теплела Дорина, что-то было скверно. Дорина звала нас домой всю дорогу ровным тёплым зовом. Теперь в этом зове проступил надлом. Тонкий. Глубокий. Звенящий.

— Верфи Селены, — Тал поднялся, держась за переборку; симбионт на плече бил тревожным гулом. — Кольцо над Дориной. Что-то сорвалось там, наверху, в лонах.

Мира стояла, вслушиваясь тем, что осталось от её слуха. Лада у горла ожила, натянулась.

— Корабль, — сказала Мира тихо. — Молодой. Ещё в лоне. Он кричит.

Я слышала это и сама — тонко, на самой грани слуха. Там, впереди, в тёплом кольце верфей, где Дорина растила своих детей, одно из лон давало сбой. Молодое дитя-корабль — ещё мягкое, ещё сросшееся с матерью пуповиной жил — билось и звало. Звало вне слов, как зовут только тогда, когда все другие способы уже исчерпаны.

Дорина отзывалась — тяжело, с запозданием. Огромная, обращённая к нам всем телом, она тянулась через бездну и разом держала что-то внутри себя, глубоко. Шелест за ухом уколол меня острым — там, в глубине Дорины, в её завтра, сидело тёмное. Малое, тихое, прихватившее живое чуть-чуть. Я поймала его на миг и потеряла. Тёмное укрылось обратно в тёплую толщу.

Между моим узлом и узлом Эйрена дрогнуло третье. Семя качнулось на дальний крик — к сорвавшемуся лону, к молодому кораблю в беде. Большое живое рвалось к малому: обнять, согреть, спасти. Всей юной силой, слепо.

Пространство между ними натянулось струной.

Я прошла по нити тем краем, каким слышу живое, — от Семени вперёд, к дальнему лону, — и застала правду холодной, ясной. Семя рвалось к малышу с такой силой, что рвало саму ткань меж ними, — и на живом теле лона расходился оголённый шов. Само Семя жгло тени, гнало прочь, оставалось для них смертью. И они шли в обход ядра — на голый разрыв, упрямо вперёд.

Изнанка пришла на разрыв, как приходит на распахнутое — тихо, ровно, легко. Та самая стёртая холодная нить, что легла надрезом в завтра Дорины. Дитя-корабль кричало. Мёртвое студило мягкое, что мать растила много оборотов, — и втекало вольнее с каждым мигом. Чем сильнее Семя рвалось к живому, тем шире расходилась щель под ним.

— Отпусти его, — Эйрен понял разом; я услышала это через связь прежде слов. — Лира, оно ближе к тебе в нити. Успокой Семя. Пока оно рвётся — ткань открыта.

Я потянулась к третьему. Унять. Свести. Затворить — пока мёртвое льётся в открытое. Семя шло за мной трудно, тёмное горем, слепое своей же любовью. Рвалось спасти — и губило. Рвалось обнять — и оголяло рану. Я держала его изо всех сил, а оно рвалось, полное любви, к тому, что через его же любовь и гибло.

Осколок кольнул. Холодно. Глубоко.

Тень шла за живым, что мы несём. Здесь. У самого дома.

Я обвела своих. Опустошённые, уставшие, стоящие на ногах одной волей, — и всё же мои.

— «Сирокко» ведёт к кольцу, флагман станет с лоном вплотную, — голос мой окреп, тело собралось под задачей. — Вниз, в само лоно, пойдёт «Мята»: я, Исай и Тал. Исай, ты видишь разрыв — поведёшь нас к нему. Тал, тебе чинить живое. Мира, Рина — на «Сирокко», держите Семя от шва всей песней, какая осталась. Эйрен, «Проксима» держит фланг. Быстрее, пока лоно ещё дышит.

«Мята» проснулась от моей ладони.

Я вошла в её лоно первой — телом в тёплую полость под палубой «Сирокко». Она приняла меня, обжала бока, признала. Ладони утонули в её плоти до запястий. Так Орден учит вести малый челнок: собой, кровью на кровь. «Мята» узнала руку. Дрогнула. Пустила первый ток.

Тал ввалился следом. Пригнулся, лёг у стены. Симбионт гудел ровно — мастер собрался под задачу, тело за ним. Правая рука легла на пол и читала «Мяту» изнутри.

— Здорова. Молодая, дышит чисто. Выдержит.

Исай вошёл последним. Тепло челнока обтекло его и пошло мимо. Он сел у мембраны лицом в даль и стал смотреть туда, где стыла пустота. Остальные грелись за его спиной, а он сидел на самом краю, лицом к холоду, и холод глядел на него в ответ — знакомо, спокойно, своим.

— Держи на меня. Я поведу.

«Сирокко» распахнул зев. Холод лизнул борта. «Мята» пошла вниз.

Я вела её собой. Ладони в её плоти, тело в её теле, воля моя — её волей. Дорина росла впереди — огромная, налитая, и кольцо верфей висело над нею плотной грядой. Земля тянула нас к себе. Тяга входила в плоть, «Мята» пила силу через меня. Шелест за ухом урчал —

узнавал кровь Дорины во всём: в стенах верфей, в токе по жилам-канатам, в самой «Мяте» подо мной.

Дом. Родное. Живое звало живое.

Свет стоял густой, медовый — свет тела, что копится там, где растёт дитя. Мы вошли в него и растворились в тепле.

Лоно приняло нас.

Стены дышали — влажные, в узловатых жилах толщиной в руку. По жилам шёл сок к малышу. Свет рождало само тело: красный, тусклый, из глубины плоти. Я вела «Мяту» по этому красному горлу — челнок скользил тихо, касаясь дышащих стен.

Дитя открылось разом.

Гигант в сердцевине лона — свёрнутый, поджавший хребет, ещё мягкий боками. Вдоль хребта наливались первые мышцы. Пуповина тянула его к матери, гнала в него сок, голос, кровь.

Оно кричало. Билось. Звало.

По боку его расходился шов — там, где плоть малыша смыкалась со стеной лона. Оголённый. Рваный. Тёмная кайма ползла по краю. Ткань расходилась врозь, и в рану втекало иное. Холод. Пустое, стёртое, гладь вместо края и вместо глубины, — студило плоть по кромке.

— Вон он. — Исай повернул к шву застывшую сторону лица, поднял руку. Голос сел до хрипа. — Пустое лезет вон там. Я вижу его. Веди на меня — я держу край.

Шелест за ухом сжался, кольнул остро. Узел у основания шеи вспыхнул жаром — загорелся раньше мысли: чужое у раны, тень у шва. Изнанка здесь. Ждёт.

— Тал. Шов твой. Своди живое.

— Веди вплотную. — Он уже стоял у выходного зева «Мяты», ладонь в живой стене, симбионт на плече бил гулом в кость. — Ближе. Руками дотянусь.

Изнанка встретила нас у раны.

Она вышла из разрыва вся разом. Пустота, у которой отнят край. Там, где она прошла, вещество переставало быть веществом — тепло, цвет, самый воздух вычитались, и оставалась гладкая серая отмена всего. Она разлилась по лону поверху, охватила «Мяту», потянулась к оголённому живому, к тёплой ране, что дитя открыло матери. Свет тела дрогнул, опал перед нею. Красное горло лона свело холодом, края взялись изморозью.

«Мята» вскрикнула подо мной — челнок хватил пустого всем телом, сжался, рванул прочь. Я вросла в него глубже: ладони в живую сталь, колени и ступни — в тёплую палубу, чтобы вести его собой, когда руки и разум заберёт Семя. Воля моя легла на её волю. Держи. Держи, родная. Мы близко.

Тал ударил первым.

Он вышел в оголённый зев, лёг грудью на тёплую стену лона у самого шва, и обе руки вошли в рваную плоть по локоть. Он читал разлом прежде разлома, слышал, где ткань лопнет следующей, — сгонял кромку к кромке, рану к ране, гнал тёплое поверх стылого. Симбионт на плече бил гулом, чернел за каждым стежком. Плечо под ним темнело.

— Студит! — крикнул он. — Стылое студит быстрей, чем я свожу. Лира, убери холод от шва — я зашью, дай мне время!

Холод катил от Изнанки. Тень стояла над раной, вытягивала из неё тепло, и всё, что Тал сводил живым, тут же леденело.

Исай встал.

Я хотела крикнуть ему — стой. Слова застряли.

Он обернулся к тени погасшей своей стороной, и я увидела, как спокоен он в этот миг, — спокоен той тяжёлой ясностью человека, который всё решил. Соль трещала на пальцах. Щека сочилась живым. Он поднял руки и раскрылся ей навстречу.

— Иди ко мне, — сказал он. — Во мне больше молчания, чем тепла. Ты пришла за пустым — вот оно. Отпусти рану. Иди.

И она пошла. Оставила дитя, оставила мать, забыла тёплое — и вся потянулась к нему, к тому, кто позвал её первым.

Тал выдохнул с облегчением, пошла работа, ткань сходилась к ткани, тёплое ложилось поверх остывшего и держалось.

Тьма обняла Исая.

Холод хлынул в ту его половину, где давно погасло всё живое, — в ободранный край щеки. Он стоял и держал её на себе, обратив к пустоте застывшее, солью запечатанное лицо, и отдавал ей себя — тёплую свою кровь, последнее, чем был богат. Она пила его, тянула, приникала глубже, забыв про шов, про дитя, про мать, про всё, что растила. Он держал её. Держал телом. Держал тем, что ещё оставалось в нём тёплого.

— Долго... — выдавил он. — Тал. Скорей.

На «Сирокко» запели.

Я услышала это через живую сеть, спаявшую три корабля, — Мира и Рина подняли песнь, и песнь легла защитой вокруг самого шва. Голос Миры шёл тонко, на грани слуха; Рина вела низом, тёмным и полным. Вдвоём они уводили палящий жар Семени от молодого корабля — гасили его волной у самой раны, заслоняли дитя от слепой любви.

Мы повели Семя вместе. Прочь от раны, прочь от шва. Уговором и теплом. Песнь певиц дарила нам тонкий зазор, и сквозь него мы вели Семя, тихо, из нити в нить. Оно шло трудно, тёмное горем, слепое к тому, что творит.

Тяга ослабла. Струна меж Семенем и малышом опала, дрогнула в последний раз — и стихла. Ткань замерла, сомкнулась по шву. Тал свёл последний стежок.

Малый корабль затих.

Осколок под сердцем кольнул на развилке. Холодно, глубоко, чужой иглой — в тот самый миг, когда мы свели рану, когда команда легла вся разом на одно дело и слилась в одно дыхание. Он вошёл в меня давно, в остывающем мире, тёмным зерном грядущего: я видела там себя, свои руки, дальше по дороге — за делом, которым предаю своих. С тех пор он спал во мне. Теперь встал — мутный, тягучий, — а очертания его ускользали, тонули, оставляя одну дурноту, один ледяной укол в самой глубине. Сильней кольнуло от того, что мои были близко. Что мы были заодно. Я стиснула зубы. Провела по нити — свои все были живы, все на ногах, все в деле. Осколок смолк. Свернулся вглубь — ждать своего часа.

Шов сходился. Тал вёл плоть к плоти, тёплое поверх холода. Дитя-корабль дышало ровней. Холод ушёл весь в Исая, и Исай стоял качаясь, отдавший всё.

— Тал, — прохрипел он. — Довёл?

— Довожу. — Тал вёл последний стежок, руки по локоть в живом. — Ещё миг. Держи её, Исай. Держи.

Дорина ответила.

Из самой глубины лона, из большого тела Дорины, поднялось встречное — тёплое, огромное, медленное. Сок хлынул по жилам-канатам, к шву, к оголённому телу малыша, — гуще, горячей, всей материнской глубиной. То самое малое дрожание, что она растила в себе поперёк чужого надреза.

Тепло глубины накрыло шов. Накрыло дитя. Накрыло Изнанку, что пила Исая.

И тень дрогнула. Отступила.

Холод сошёл с Исая. Он качнулся, осел на палубу «Мяты» — омертвевшая сторона его курилась стылым дымком, тонким, уходящим.

Я читала ладонями, как за ним сходится разрыв: Тал вёл живые кромки одну к другой, мать поднимала тепло из глубины лона, и дитя-корабль срасталось со своей материнской плотью.

Тень ушла. Пришла за нами — за теми, кого запомнила у мира Древних. Ушла другой. Она видела мать. Видела, как целый мир встаёт за одно дитя. Я читала её след. В нём теплился страх — свежий, живой, её собственный. Прежде страх принадлежал врагам. Теперь он вошёл в неё. Что-то переменилось.

Дитя дышало. Молодой корабль лежал в лоне ровно, шов на боку его затягивался тёплым, пуповина жил гнала в него сок матери, голос, кровь. Он выжил. Дорина держала его всем своим теплом, обнимала изнутри, вела рост дальше — тихо, много оборотов, как вела от начала.

Тал осел у стены, вынул руки из живого — обе в тёплой сукровице лона. Симбионт на плече умолк, свернулся, ушёл в тепло к его коже. Работа была сделана.

— Довёл, — сказал он. — Живое держится. Дальше Дорина сама.

Исай сполз к носу и остался там, куда его опустило тело. Он дышал так, будто вспоминал, как это делается, — брал воздух, ронял, брал снова. Глаза его смотрели вверх, в пустоту Я поняла, что он ушёл куда-то, где ещё длится то, что уже кончилось.

— Ушла, — выговорил он. — Я слышал, как она стёрла себя. Тонко-тонко, до края. И край тоже истаял.

Я подняла «Мяту» из тёплой глубины наверх, к свету, к холодному кольцу, где ждала «Сирокко». Руки мои всё ещё жили той работой и медлили вспомнить покой. Внутри разливалась пустая, звенящая лёгкость, какая приходит, когда сделал больше, чем в тебе было.

Эйрен ждал нас на своём краю. Он провёл битву издали, один, разделённый надвое, и удержал обе половины. Теперь я слышала в нём то же, что во всех нас, — тихую оторопь живых, которые уцелели и сами этому дивятся.

А между нами дышало третье. Малое. Спасённое. Только что вырванное из огня и уже забывшее огонь. Оно жило так просто и так жадно, что от этой простоты хотелось плакать.

Дорина держала нас в тепле. Мать, которой самой рассекли завтрашний день, чужая игла вошла в неё глубоко, — и всё же она поднялась над раной своего дитяти вся, целиком, всем упрямством живого, которое цепляется за свет.

Мы уходили меченые. Тень скользнула в разрыв и унесла наши лица с собой. А в самой глубине материнского тела остался надрез, которому ещё ищут имя, — и что-то малое, тайное уже тянулось к нему изнутри, поднималось ему навстречу, растило себя в темноте.

Глава 2

Эхо стёртой тени

Дети вернулись.

Их тепло касается меня, пока корабли ещё идут сквозь верфи. Узнаю его с первого касания. Оно выношено здесь, в моих недрах. Каждое русло отзывается глухим толчком. Стучит в одном месте, в другом, в третьем. Дом открывает двери одну за другой.

Двое моих идут первыми. Сталь помнит моё дыхание, кровь помнит глубину. Я раскрываюсь им навстречу всем телом: влага недр поднимается к самой коже, жар ядра выходит наружу. Корабли опускаются на меня тяжело и доверчиво, после долгой дороги. Подставляю бока. Принимаю вес. Он больше, чем был. Этому весу я рада.

Над ними шевелится кольцо верфей. В лонах спят молодые, свёрнутые тугими клубками. Каждый сопит в свой черёд. Один дышит глубже прочих. Ему зашили бок. Шов лёг гладко. Слушаю его сопение, греюсь этим звуком. Щит над моей кроной подрезан изнутри. Рана ноет сильнее обычной, потому что резала рука, которую я растила. Заращиваю надрез по волоску, жду, пока боль уляжется. Над кольцом стоят старшие. Их тень ложится на мою кожу прохладными полосами. Я слышу: они глядят вниз, ждут.

Со сталью возвращаются те, кого я растила для людей. Узнаю каждого, по одному, по шагу. Вот высокая нота, она выходит за предел человеческого голоса. Вот частота огня, она вспыхивает, когда рядом тень. Вот острый и скорый, он первым встаёт при стуже, поднимает тревогу. Вот гудящий над починкой: он читает раны корабля, правит ткань. В нём течёт кровь Садовников, моя кровь. Каждый узнаёт меня в ответ. Шестеро людей, у каждого свой жар. Я различаю все шесть.

Под сердцем старшего корабля свернулось малое, скорое, младшее. Добирает силы после дороги. Касаюсь его. Оно отвечает коротким тычком.

Тянусь к тем двоим, что связаны узлом: к той, у кого твёрдая воля, и к тому, у кого руки Мастера. Между ними дышит третье: юное, спасённое, дрожащее. Лежит в самой середине их нити, дышит вровень с обоими. Я узнаю в нём то, что спит на дне человека, открывается во сне.

Там, где лежит чужой надрез, малое поворачивается к юному в нити. Родня к родне. Моё. Оно растёт тихо, поперёк чужого. Я до сих пор гадаю, что вырастила. Я грею его, молчу.

Тянусь к обоим сразу. В тот же миг они уходят вниз, в мою глубину. На месте, где стояли мгновение назад, остаётся тонкая стужа. Строчка. Ровная, чужой выделки. Метка. Они понесут её дальше вместе с моим теплом. Слышу, отпускаю. Пока они у меня, я дам им всё, что умею.

Ядро светит ровно. Я даю им время.

***

Статус.

Левая рука отвечает с задержкой. Правая сжата в кулак, пальцы затекли. Разжимаю, суставы хрустят, жму ещё раз, хруст глуше. Принято.

Бой я вёл надвое. Одна половина стояла в носовом лоне «Проксимы», другая тянулась по контуру к Лире, в тело Дорины, к ране на боку малого корабля. Обе половины я удержал. Теперь они сходятся в одного человека, и человеку нужно время. Стою у стены большой каверны «Сирокко», даю ему это время.

Бой закончен. Лира вернула «Мяту» к холодному кольцу, челнок ушёл под палубу «Сирокко», в свой малый дом. Оба корабля стоят у Дорины борт к борту, и ток матери омывает корпуса снаружи, обнимает изнутри, бежит по нашим артериям, чинит по капле то, что бой забрал. Чинят сами. Мне досталась роль наблюдателя, роль непривычная.

Во рту медь, остаток боя. Из чаши в стене тянет мёдом, тёплым воском, и я вдыхаю это глубоко, раз, другой, пока медь уходит. Ломота под Меркабой уходит последней. Прижимаю

пальцы к рёбрам. Кристалл лежит там тёплым камнем, живёт своим счётом. Сверяю с пульсом: совпадает. Проверяю дважды. Дважды совпадает.

Биорезонатор на предплечье притих. Весь бой он делил со мной силу, держал баланс между двумя половинами, теперь выравнивается сам. Слушаю его слухом Клана: равновесие клонится к покою. К покою. Слово незнакомое, принимаю его в рабочий словарь.

Считаю экипаж. Привычка посла: сначала счёт, потом разговор.

Лира у переборки. Плечи опущены, глаза яркие, пальцы по старой привычке лежат на рукояти. Тал сжимает кулак, разжимает, слушает своё плечо, и в животе у него урчит так громко, что он делает вид, что это корабль. Исай сидит на корточках у мембраны, лицом к холоду, спиной к нам. Мира подтянула колени к груди, мнёт край рукава. Рина стоит у стены с закрытыми глазами, ВЕСТА тлеет ровным угольком, пепел на коже Рины осыпается серой пылью при каждом вдохе.

Пятеро и я. Все на ногах. Все на ногах, и это самая тёплая цифра за последние сутки.

— Семя привело нас к Дорине, — говорю я. — Экипаж цел. Что дальше?

— Дальше Сад, — отвечает Лира. — Карта у тебя. Первая дверь.

Карта лежит во мне чертежом: холодные точки, ось, тропа. Координаты ровные, назову любую.

Семя молчит. Довело нас до истока, затихло, сытое, у матери под боком. Слушаю его. Оно растёт.

— Идём по карте. Пока Семя спокойно.

Лира глядит прямо.

— Семя вело нас всю дорогу. Проснётся, поведёт снова. Может быть, в обход карты.

— Тогда решим.

— Решим на ходу, — Тал хмыкает в кулак. — Мы так всю дорогу. И поесть бы. Горячего. С корочкой.

— Занесу в журнал, — говорю я. — Раздел «Методы»: решаем на ходу.

Тал фыркает.

— Дорина кормит тех, кто просит вслух, — серьёзно отвечает Мира. ЛАДА коротко звенит.

— Тогда прошу вслух. Дорина, слышишь? С корочкой.

Корни под палубой отзываются тёплым толчком. Тал замирает с открытым ртом.

— Услышала, — шепчет он.

— Мне нужна хоть одна ночь, когда вокруг тихо, — признаётся Лира. Голос усталый, в нём теплится улыбка, и я ловлю себя на том, что слушаю эту улыбку дольше, чем нужно для протокола.

Исай сидит спиной к нам. Слова идут через плечо:

— Тень идёт следом. Слышу её отсюда. Далеко, всё равно идёт.

Я слышу то же, ниже, у Меркабы: тонкая нитка стужи, прямая, натянутая. Метка. Прижимаю пальцы к рёбрам, нитка остаётся на месте.

— Далеко, — соглашаюсь я. — Время есть.

— Пока, — говорит Исай.

— Ночь отменяется. Отдыхать будем в дороге.

— Здесь поют корни, — тихо вставляет Мира. ЛАДА отзывается тонкой дрожью. — Дорина слушает наш разговор.

Рина открывает глаза.

— Мать носит нас на руках, — сухо замечает она. — Руки у неё устанут. Пора идти.

Дорина решает за нас.

Ток под палубой колышется, поднимается из недр, обнимает «Сирокко» всем телом, тянет вниз. Совет обрывается на полуслове. Дорина зовёт домой.

Расходимся по кораблям. Живой рукав вытягивается от «Сирокко», находит стык, раскрывает влажный проход. Иду по нему на «Проксиму», Мира и Рина следом. Стены рукава сходятся у плеч, разжимаются с тихим чавканьем, пахнут сладкой корой. «Проксима» встречает запахом родной смолы, лоно обжимает плечи, мурлычет в рёбра. Признала. Лира, Тал и Исай остаются на «Сирокко».

Мира останавливается у мембраны, слушает вниз.

— Дорина поёт тремя голосами, — шепчет она. — Верхний ток. Нижний корень. И третий, под ними, тихий. Он слушает нас.

— Чей он?

— Её. — Мира качает головой. — Эту песню она поёт впервые.

Рина молчит, глядит сквозь мембрану на «Сирокко». На его борту стоит Лира.

Иду в носовое лоно. Руки уходят в гнёзда по локоть, и корабль входит в меня: давление корпуса становится моим давлением, шов за швом, от киля до Ока. Веду «Проксиму» вниз.

До сих пор Дорина держала нас у кольца, на верхнем поясе верфей. Сейчас она разводит пояс, тянет глубже, туда, где её тело поднимается громадой. Стены гудят низко, гул отдаётся в зубах, уши закладывает. Глотаю, отпускает.

Мира уже в каверне у стены: покров сомкнулся вокруг неё по росту, она спокойно ждёт. Рина стоит у борта, рука на переборке. ВЕСТА передаёт ей дрожь корпуса, Рина читает её ясно.

— Левый борт тяжелее, — замечает она. — Ты ведёшь жёстко. Корабль живой, ослабь хватку.

Ослабляю. Гнёзда подхватывают руки, крен уходит. Она права, и я знаю это, пока она договаривает.

Живое Око темнеет: тень накрывает корабль целиком. Потом из темноты проступают борта старших.

На самом спуске нас встречают исполины.

Они пришли к Дорине от Селены. Древние корабли-деревья Дома Живых Лесов, янтарь, живая сталь. Закрывают её щитом, стоят на рубеже, где кончается открытый космос. Дальше начинается она. Мы идём этим рубежом вниз, старшие встают поперёк.

Громады смыкаются в тесном проходе. Бока у них в наростах, в янтарных натёках, от бортов тянет смолой, горячей пылью, и на языке оседает привкус нагретой хвои. Рядом с ними «Проксима» совсем дитя. Они замедляют спуск, ждут.

Их толща тянется к нашей, трогает, читает. Поверка.

Щит над Дориной подрезан изнутри. Надрез прошёл сквозь стражу исполинов, значит, резала рука, которую страж считает своей. Мы вернулись помеченными: Красным Судом, Изнанкой. Метки идут за нами тёмным следом, старшие слышат этот след. Они обступили нас, чтобы прочесть, кто мы теперь и что несём.

Поверка идёт по швам. Моим. Первая волна катится по «Проксиме»: давит на виски, пахнет смолой, лезет под рёбра. Вторую ловлю дальней стороной контура, она течёт по «Сирокко», по Лире, Талу, Исаю. Старшие читают нас по одному.

К ВЕСТЕ подходят с почтением. Её сплетение раскрывается перед ними пласт под пластом, старшие замолкают над ним, читают долго: в её ткани лежит то, что копилось в живом от начала времён. К ЛАДЕ подступают так же осторожно. Обеих певчих читают дольше всех: их голоса сплетены сестринским швом, в этом шве старшие разбирают поступь судьбы.

Через контур слышу «Сирокко». К Шелесту подходят быстро, острое тянется к острому: старшие касаются стража тени, признают, идут дальше. К напарнику Тала тянутся сразу, всей громадой, и он идёт навстречу по-детски радостно. Дитя Садовников встретило родную кровь. Тал смеётся коротко, хрипло, и от этого смеха у меня теплеет в груди.

Потом касание доходит до меня.

Заостряется.

Входит в биорезонатор, остаётся там. Читает долго, тяжело, вжимает предплечье в живую стену. Существо иной породы: Дорина растит такую ветвь отдельно, под задачи Клана Расплетающих. Живые Леса читают её вслепую. Давление растёт. Биорезонатор делит со мной кровь, живёт своей природой, чужой для старших.

Древние смыкаются плотнее. Воздух в лоне тяжелеет, каждый вдох даётся с усилием. Печати Клана сплетаются с меткой Изнанки. Старшие вслушиваются в то, что вложили в меня Мастера: затворы, кольца под рёбрами. Считаю вдохи. Раз, два, три. На четвёртом кольца отпускают, на пятом берут снова. Закономерность есть, запоминаю.

Лира отвечает им.

Она сбрасывает последний заслон, я слышу его падение. Раскрывает перед исполинами потаённое. Через контур вижу то, что видят они: тёмный коридор в моей груди, кольцо за кольцом. За последним кольцом горячее зелёное, оно толкается в стенку изнутри, медленно, упрямо. Живая сила, древняя, родственная им. Клан сковал её, запер. Лира показывает миг, когда эта сила дрогнула ей навстречу, потянулась к свету.

На «Сирокко» она стоит у переборки, по контуру чувствую: скулы у неё каменеют. Отдавать чужую тайну чужим глазам тяжело даже ради спасения. Она платит этим за меня, и я принимаю плату молча, потому что другого языка для такой благодарности у меня пока мало.

«Он наш», — шелестит от Лиры в древнюю глубину. Тихо. Твёрдо.

Наш.

Слово проходит сквозь меня, находит затвор, который держал и это, и затвор вздрагивает. Меня называли оператором, послом, инструментом. Хранителем. Наш говорят о другом: так зовут того, кого берегут. Принимаю слово по весу. Оно тяжёлое, тёплое, рук у меня мало, чтобы взять его сразу. Беру по частям. Наш. Экипаж. Мы. Дверь, которую откроем сами.

Мальчик на дне делает вдох, глубокий, до самых рёбер, и выдыхает медленно, чтобы слово осталось внутри.

Старшие обступают меня, медлят верить.

— Предали своих, — идёт по живой толще.

Слово идёт мимо голоса, касанием, тёмным, тяжёлым, от исполинов ко всем нам сразу.

— Метку несут. Резали изнутри. Свои предали своих.

На этом слове контур вздрагивает. Лиру качает. Через нашу связь приходит короткий чёрный укол: острый, изнутри, дурнота поднимается на слове «предали», оседает. Она сжимает челюсть. Выдерживает. Справляется.

Рина у моего плеча молчит. Пальцы её стягивают воротник до белизны.

— Слушайте своих, — говорит Тал по контуру. Кровь Верданы в нём разговаривает с кровью Живых Лесов. — Дорина нас узнала. Она зовёт домой.

Старшие слушают. Тянется долгая тишина, в ней гудит древесина.

Потом толща расходится. Громады отводят тела в стороны, открывают проход вниз, к телу Дорины. Стою в гнёздах, слышу: исполины отпускают нас по одному касанию, тёмному, грузному. Подозрение в них улеглось. Осталось тяжёлое, долгое согласие.

— Идите, — идёт по живой толще. — Мать зовёт. Идите к ней.

По контуру тянется тишина. Потом Лира, ровно:

«Они увидели то, что я им показала».

«Они увидели больше, — отвечает Рина сухо. — Нас допустили. Признавать пока рано».

«Допустили, ладно, — бурчит Тал. — Дальше разберёмся».

Исай молчит. Слышу его дыхание, тяжёлое, усталое: он выдержал наш спор молча, теперь отдыхает.

Веду «Проксиму» вниз. Лира ведёт «Сирокко» рядом тем же курсом. Мы идём сквозь строй, старшие стоят по сторонам прохода, старше всех кораблей, что я знаю: тёмные, ветви-

стые, с телами, ушедшими в самую древность живого. Склоняют кроны, ветка проводит по борту, оставляя липкую полосу смолы. Теснят с боков, ведут.

Подо мной раскрывается Дорина.

Планета лежит внизу вся живая, до края горизонта. Облачный покров светится изнутри золотисто-зелёным светом, тем, которым светятся симбионты в покое. Облака поднимаются, опускаются в одном ритме, корабль поднимается, опускается с ними. Материки идут рощами, тёмными, зелёными, все рощи тянутся к звезде, между ними лежат низкие светлые воды.

Ищу шов. Любая система держится на компромиссе, и там, где компромисс, шов. Ищу стык, узел, развилку. Здесь всё сплетено в одно полотно, и полотно живое. Первый раз за годы работы моё ремесло простаивает, и странно: это приятно.

Мы входим в облако. Оно обволакивает корпус, по мембранам стекают горячие капли, пахнущие мёдом, корой. «Проксима» гудит благодарно, пьёт на ходу. Живое Око затягивает влага. Мира проводит по нему рукавом, чтобы мы видели.

Над самыми большими рощами стоят купола.

Читаю их телом. Живые мембраны, выпотённые самой планетой, натянутые над тем, что Дорина бережёт крепче всего. Защита растёт из её плоти, готовая сомкнуться при нападении. Натяжение ровное. Расчёт верный: купол выдержит ещё.

— Садимся, — говорит Лира по контуру. Голос ровный. — К большой роще. Туда, где нас ждут.

«Проксима» касается Дорины. Чувствую это собой. Корабль ложится на почву, почва подаётся, обнимает корпус снизу.

Выхожу.

Воздух входит первым: влажный, густой, сладкий, пахнет молодой веткой, которую тянет вверх. Лёгкие расправляются сами. Вдох. Ещё вдох. Левый бок отпускает. Записываю: давление ровное, состав подходит для дыхания. Слово «родной» вписываю от руки.

Клан учил меня держать грудь закрытой. Здесь она открывается сама, воздух доходит до самых рёбер, и на языке остаётся вкус нагретого мёда. Мальчик, который уцелел во мне, поднимает лицо к этому воздуху.

Почва под ступнями нагрета, подаётся. По ней идут русла света, тонкие, уходят к самому ядру, пульсируют медленным током. Стою на матери. Её ток поднимается по ногам, ровный, покойный.

Роща встаёт исполинскими стволами. Свет течёт по коре медленными руслами, собирается в кронах. Между стволами плывут мелкие огни: споры, семена, живая взвесь. Они оседают на коже тёплыми точками, кожа принимает их. Трава у корня светится, тянется к руке, льнёт.

За спиной выходят остальные. Тал опускается на колено, прижимает руку к почве, слушает.

— Пахнет Верданой, — бормочет он. — Дома.

Лира снимает перчатку, подставляет ладонь. Светящаяся спорина садится на кожу, тёплая. Гаснет медленно.

— Тёплая, — говорит она тихо.

Исай останавливается на пороге рощи. Лицо подставляет свету застывшей стороной, живую прячет в тень. Он ждёт, что земля отдёрнется от его шага. Мира идёт с закрытыми глазами, ладони раскрыты, по щекам течёт влага. Плачет молча. Я отворачиваюсь, чтобы дать ей это время одной.

Между стволами скользят фигуры.

Хранители этой земли, Проявляющие. Кожа у них светится золотом, впитанным у самого Истока. Ногти сточены землёй, между пальцами зажаты ростки, тонкие, с белыми корешками. Один поднимает руку. Пальцы светятся изнутри.

— Вы пришли, — говорит он.

Голос тихий, под ним слышен гул корней. Его взгляд идёт по мне сверху вниз, останавливается над ребром, там, где под тканью лежит Меркаба. Он смотрит сквозь костюм, сквозь Нить, прямо на кристалл. Он знает, что мы несём. Он ждал.

— Кто из вас Хранитель?

— Я.

Один слог. Остальное он знает сам.

— Мать ждала тебя. Ты пришёл с чужим следом на плечах. Она знает о нём.

— Я принёс его сюда сам.

— Знаем, — отвечает он. — Мать держит тебя и с ним. — Он поворачивается к роще. — Место приготовлено. Проходите.

Рина по контуру, сухо: «Они боятся за мать. Нас читают, потому что угроза вошла к ним изнутри». Принимаю. Идём.

За его спиной роща уходит вглубь. Там я вижу лоно.

Широкая впадина в теле Дорины, влажная, красноватая от света. Корабли рождаются здесь. Одни выступают из почвы тёмными горбами. Другие сложились, бока у них прозрачные, внутри виден ток, и каждый колышется, делая первый вдох. Пуповины тянутся к матери толстыми канатами света. Слышу сотни пульсов разом, частых, гулких. Каждый корабль бьётся по-своему, просится наружу.

Шов у них один, у самой пуповины, он уходит в мать. Остальное цельное, гладкое, свежее.

Тал останавливается рядом, долго стоит молча.

— Вот откуда мы все, — выдыхает он.

Я кладу руку ему на плечо. Тал глядит перед собой. Плечо под моей рукой тёплое, крепкое, и дыхание у него выровнялось.

Рядом с кораблями лежит другое. Во влажных складках, каждое в своей ямке, тёмные зёрна размером с ноготь. От них идёт слабый свет, писк на пределе слуха. Проявляющие склоняются над ними, водят руками над зачатками. Мать растит голос, Проявляющие пестуют его до часа, когда голос найдёт своего человека.

Мира замирает над ближней ямкой, прижимает ладонь к груди. ЛАДА у неё молчит, вслушивается. Зерно в ямке разгорается ярче, пищит выше, тонко, в лад её голосу. Проявляющий замечает это, молча отходит на шаг, чтобы Мире хватило места.

Один из Проявляющих ведёт нас вглубь рощи: меня, Лиру, Тала, Исая, певиц следом. Роща смыкается над головами живой кровлей, кровля светится изнутри. Под ногами хлюпает мох. Я иду, считаю шаги, привычка Клана. Сорок. Сорок один. На сорок втором проход кончается.

Он ставит нас перед стеной.

Она поднимается из тела Дорины слоистым утёсом, до самой кроны. Пласты тонкие, толщиной в ноготь, каждый другого цвета: бурый, золотой, зелёный, чёрный. Нижний, у самой земли, ещё влажный. Лежат они ровно, шов к шву. Рука читает такую вязку сама, пока я смотрю: работал мастер, работал веками, размеренно, с любовью к материалу.

Дорина дышит. Стена дышит вместе с ней.

— Каждый, кто приходил к матери, оставил здесь руку, — сообщает Проявляющий. — Она хранит всех. Слушайте.

Кладёт руку на нижний пласт. Свою я кладу рядом.

Стена идёт в меня потоком. Через кожу, через кровь вливаются те, кто стоял здесь до меня. Кто-то поёт колыбельную на чужом языке. Кто-то считает до десяти, сбивается на седьмом. Кто-то смеётся, кто-то кашляет в кулак. Кто-то молчит, и молчание тянется веками. Проявляющие минувших эпох, носители, целые Дома, жившие и ушедшие. Дорина хранит память рода в своём теле, каждого, кто касался её, пласт к пласту, дыхание к дыханию.

На краю стены, там, где пласты кончаются, нитка стужи под рёбрами дёргается один раз. Стена отвечает коротким тёплым толчком, и нитка замирает. Закрыла. Мать закрыла. Занесу в журнал.

Исай стоит в двух шагах, слушает стену с другой стороны: ему отвечают паузы между голосами. Он кивает мне. Хорошая стена. Лира кладёт ладонь чуть в стороне, на золотой пласт, тут же отнимает. На её лице мелькает улыбка.

Один отпечаток входит глубже прочих.

Рука маленькая, пальцы растопырены, на указательном трещина по краю ногтя. Мальчик прижимал её изо всех сил, чтобы остаться. Стена сохранила его всего: страх, тайны, что дитя носило в сердце. Пахнет мокрым камнем, железом. Слышу шаги в коридоре. Считаю вместе с ним. Знаю, на каком шаге отпирают замок.

Мальчик ушёл из мира давным-давно. Здесь он остался целым.

Целым. Это слово я повторяю, пока стена держит мою руку.

Во мне поднимается тот, кого Клан ломал годами. Он поднимает взгляд навстречу чужому ребёнку. Двое юных, разведённых океаном времени, узнают друг друга в объятиях матери. Она обнимает обоих, обоим хватает места. Я стою, и глаза у меня влажнеют. Пусть. Рядом свои.

Пальцы вросли в пласты. Стена хранит каждого таким, каким он пришёл к матери: живым, запечатлённым до последнего вдоха.

Отнимаю руку. Стена остаётся в коже.

Рядом Лира. Молчит. Кладёт два пальца мне на запястье, слушает пульс. Сорок восемь. Кивает. Убирает руку, пальцы остаются там дольше, чем требует счёт. Замечаю. Злость на себя откладываю на потом.

Проявляющий ведёт нас вниз по склону. Воздух меняется. На языке соль, мёд.

Озёра лежат в теле Дорины большими чашами, свет идёт из-под воды. Над поверхностью стоит пар. Проявляющий останавливается у кромки, отходит в сторону.

— Мать хранит здесь первую воду, — объясняет он. — Она пересобирает живое.

Снимаем одежду, входим. Тал стягивает рубаху, швыряет её на мох. Мира долго возится с застёжкой. Рина раздевается молча, ровно, одним движением. Вода горячая, густая, цепляется за кожу, пахнет железом, мёдом. Читаю её по швам: находит каждое натяжение во мне, ослабляет по волоску. Клан называл такое «снятием напряжения» и работал над ним годами. Вода справляется за минуту. Раны, которые я таскал на себе всю дорогу, вздрагивают на границе боли и онемения, где держали оборону. Размывает сопротивление, возвращает отнятое. Затворы Клана она обходит стороной, показывает мне, где они лежат: кольца под рёбрами, плотные, холодные.

Последнее кольцо ослабевает на волос. Я задерживаю дыхание. Зелёное под ним делает навстречу воде один шаг, тёплый, жадный, и я чувствую его вкус: мёд, нагретая хвоя, мокрая кора. Затвор держит. Решаю оставить всё на месте. Кольца мои, срок мой, и ключ остаётся у меня. Пока.

Лира стоит по грудь в воде в двух шагах, замечает мою руку, идущую к рёбрам.

— Тянет?

— Показывает, где они лежат.

— Это уже много, — говорит она. — Сам ты находил их по боли.

Рука Тала вздрагивает под водой. Нерв, иссушённый Солью Танаиса до самой кости, отзывается тупой пульсацией изнутри. По пальцам бежит колючий жар. Тал стискивает зубы, ждёт. Потом поднимает руку из воды, сжимает кулак. Разжимает. Сжимает снова.

— Хватка вернулась, — говорит он хрипло. — Сам иду.

Зачерпывает горсть донного ила, давит в пальцах, ил сочится между ними струйками. Тал улыбается, и я улыбаюсь вместе с ним, потому что все смотрят в воду.

Исай входил последним, медленно. Я ждал, что вода дрогнет у его границы: живое отдёргивалось от него на каждом шагу все эти дни. Вода идёт к нему, доходит до солёной кромки на лице, остаётся. Содранный край впитывает жар озера, поверх старого шрама наползает новая плоть, по волоску. Исай закрывает глаза, на лице у него проступает покой. Таким я Исая вижу впервые.

— Греет? — спрашивает Тал.

— Держит, — отвечает Исай тихо.

Под самым покоем идёт другое. Узел вспыхивает под водой, замыкает нас. Лира встаёт рядом во внутреннем поле, и я читаю её по натяжению: жар воды растворяет усталость, плечи опускаются, дыхание выравнивается. Покой держится. Под ним, у самого её сердца, дрожит метка Изнанки: тонкая холодная нитка, чужая. Лира смыкается вокруг неё, прижимает собой. Нитка затаилась, ждёт. Я отдаю контуру тепло, какое у меня есть, и Лира забирает его молча.

«Ты считал шаги у стены», — доходит до меня её мысль, тихая, под самым покоем. «Сорок два».

«Сорок два», — соглашаюсь я.

Больше мы молчим. Вода держит нас обоих.

Под кожей идёт ритм Дорины: удар, пауза, удар. Мой пульс подстраивается к нему сам. Впервые за многие годы счёт ведёт кто-то другой, равновесие держит она, и я позволяю.

Рину и Миру озёра лечат через симбионтов. ВЕСТА долго тлеет глухо, соляная порча заволокла её до тёмной тишины. Живое Дорины входит в неё, вымывает порчу, поит заново. Пепел сходит с кожи Рины чешуйками, под ним розовое. У Миры отпаивается ЛАДА: малый певчий голос, что охрип на краю слышимого, берёт верхнюю ноту, чистую. Мира смеётся. Короткий, удивлённый смешок. Я слышу этот смех впервые.

Мы выходим на берег.

Вода стекает с наших тел, возвращается в лоно Дорины. Проявляющий оглядывает нас, кивает. Он протягивает Талу плод, тёмный, налитый, с кожицей в тонкой сетке. Тал надкусывает, сок течёт у него по подбородку.

— Вот это я понимаю, — бормочет он с набитым ртом.

Мира разламывает второй плод пополам, протягивает половину Рине. Рина берёт, нюхает, откусывает. Кислое. Рина морщится, откусывает ещё. Мне протягивают третий. Мякоть холодная, с кислинкой, сок щиплет разбитую губу. Данные: съедобно. Вывод: хорошо. После неё во рту остаётся чистота, и я первый раз за долгие дни чувствую вкус еды.

Я стою цельный. Левый бок молчит, правая рука слушается, затворы лежат в воде тихо. Мальчик, которого Клан ломал годами, дышит полной грудью. Дорина растит каждого по его сути, каждая её ветвь помнит, где взошла. Ток идёт под моими стопами, медленный, древний, до самой кроны.

Лира опускается на землю, кладёт руки на пульсирующие русла. Шелест у неё спокоен. Она поднимает глаза.

— Здесь можно остаться, — произносит она. — Мать держит. Впервые за долгое странствие нас несёт что-то большее.

Тал стягивает ботинки, ставит босую ногу на мох, жмурится. Пальцы на ноге шевелятся.

— Передохнуть, — отвечает он. — Мы гости. Путь зовёт дальше.

Исай выходит из воды последним, садится у кромки. Опускает в неё обе руки до локтей, смотрит на них. Вода лежит на его руках, держит. Мира устраивается рядом, плечом к плечу.

— Ты улыбаешься, — замечает она.

Исай трогает уголок губ пальцем, проверяя.

— Правда, — удивляется он.

Рина стоит в двух шагах позади Лиры, смотрит ей в затылок. Лира чувствует взгляд, оборачивается. Рина отводит глаза к воде.

Дорина отвечает.

Ток поднимается от стоп к затылку. У затылка загорается точка. Мать указывает путь.

Карта вспыхивает под веками. Девять огней в темноте: ось Сада, тропа, начертанная во мне Древними. Восемь мерцают ровно. Один горит ярче. Мать ведёт мой взгляд по своим дорогам, останавливает на нём. Селена. Дом Живых Лесов. Далёкая система, престол её ветви, куда старшие уходят от неба Дорины и откуда возвращаются беречь мать. Дорина зовёт этот мир своим корнем. Там дремлет то, что ждёт своего часа.

— Она ведёт, — говорю я. — Показывает точку. Одну из девяти.

Лира глядит на меня.

— Какую?

— Свою. Живые Леса. — Метка стоит во мне горячая, налитая, ярче остальных восьми. — Мать указывает на Селену.

Тал поднимает голову.

— Исток шлёт к Дому, — отзывается он. — Мать знает дорогу.

Семя за спиной толкается в лад загоревшейся точке. Вибрация идёт мимо покоя, мимо истока, к метке. Кристалл под рёбрами и точка на карте сходятся в одно.

Лира поднимается, подходит. Закрывает глаза. Затылок отзывается: она читает точку через меня, долго, сквозь узел. Потом ведёт внимание дальше по карте, за Селену, к следующим вратам. Замирает.

— Слышишь? — спрашивает она тихо. — Семя, согретое у истока, тянется. Чуть в сторону от начертанного пути. Пока к той же двери. За ней расхождение.

Открывает глаза.

— Мать направляет нас в свой Дом. Семя идёт за матерью. Здесь наша дорога едина. — Пауза. — Дальше выбор.

— Пока, — отвечаю я.

Дорина окутывает нас последним током. Роща светлеет, взвесь оседает, покой ложится на плечи.

Исай поднимает голову от воды.

— Тишина стала острой, — говорит он.

И сквозь покой идёт другое.

Тонкая игла стужи входит под рёбра, туда, где лежит Меркаба. Далеко за телом Дорины, за щитом исполинов, идёт Армада Красного Суда. Идёт прямо, выверенным холодным счётом, по мерке, снятой с нас на Танаисе. Метка на мне откликается на каждый их шаг. Считаю шаги. Счёт растёт.

Рина по контуру, коротко: «Чувствую. Метку тянет к ним».

Через контур ловлю Лиру. Её узел принял то же. В груди у неё сбивается двойной пульс: свой, чужой, наложенный сверху. Она выпрямляется рядом. Мы понимаем разом.

Они близко. Они идут за нами.

Глава 3

Синтаксис живого заслона

Дорина провожала нас сытыми и окрепшими.

Я застыла в чреве «Проксимы», приложив ладонь к тёплой переборке, и внимала материнскому напутствию. Она снаряжала нас медленно и щедро, вкладывая в груз частицу своей души. Пока мы отдыхали в её объятьях, она наполнила наши трюмы ценными дарами: тугими гроздьями плодов, созревшими в лоне кольца, густой живой водой из самой сердцевины, тёмным соком для питания симбионтов.

Мать наполняла наши хранилища до краёв, провожая детей в далёкое странствие, отдавая им всё, что сумела взрастить. Трюмы «Проксимы» и «Сирокко» ломились от даров. Мы покидали её дом полностью снаряжёнными.

Я ощущала это в каждом человеке нашей малой стаи — тем особым зрением Оракула, что позволяет читать устройство живого. Дорина вылечила нас до последней жилки. Рука Тала, онемевшая на Танаисе, ожила в её водах — нерв пробудился, кровь прилила к пальцам, и рука заново училась двигаться, свежая и полная сил. Веста у моего горла пылала ровно, обожжённые края её мембраны насытились материнским эликсиром и держали устойчивый жар. Лада у Миры вернула прежнюю мощь, исцелённая от надрыва. Даже изуродованная сторона Исая, опалённая Солью, обрела полосу живой плоти, и та разрасталась, смыкаясь с повреждённым участком.

Прежнее молчание отступило. Там, где всю дорогу тянуло истощение от мира к миру, теперь стояла ровная тёплая сила. Мать подняла нас с самого края пустоты и вернула полную силу.

Я стояла и вслушивалась в эту силу, разлитую в шестерых телах — ровную, тёплую, здоровую, единый живой ток. Впервые за долгое странствие мы отправлялись в путь полными сил и энергии, готовыми встретить любые испытания.

В чреве «Проксимы» нас пока было шестеро — все вместе, перед разделением на два корабля. Мы встали в тесный круг, плечо к плечу, и Дорина окутывала нас последним тёплым потоком снизу.

Эйрен занял место у носа. Под его сердцем, над левым ребром, уютно устроилась Меркаба — я ощущала её отдельное биение. Лира держалась рядом, лидер нашей стаи, ассасин Ордена; Шелест за её ухом дышал спокойно. Тал осторожно сжимал и разжимал ожившую руку, привыкая к новым ощущениям. Мира внимательно прислушивалась к себе. Исай расположился лицом к выходу, повернувшись той стороной лица, что слышит отзвуки прошлого.

— Дорога предстоит долгая, — произнёс Эйрен ровным голосом, в котором слышалась уверенность опытного штурмана. — Мать указала путь к Селене. Пойдём через складки. Двигаемся двумя кораблями, сохраняя строй.

— Сохраняем прежний порядок? — поинтересовался Тал.

Эйрен на мгновение задумался, выстраивая в уме схему распределения сил.

— Да, прежний, — подтвердил он. — На «Сирокко» пойдут Лира, Тал и Исай. На «Проксиме» останемся я, Мира и Рина.

И тут во мне пробудилось то, что я хранила уже несколько часов.

Я ощущала тень на Лире. С самого момента выхода из озёр она проявлялась во мне тонкой тревогой — то самое, что я уловила в лидере: тёмное, глубоко вписанное, спрятанное под покровом, поднимающееся на развилках. Именно для этого Оракул и находится в стае — чтобы замечать подобное раньше, чем оно проявится словами. Я прочитала это и осознала: тень станет сильнее впереди, там, где команда впервые проложит собственный путь. Я стремилась

быть рядом с Лирой, когда это произойдёт. Хотела поддержать её собой, песней, теплом — той силой, что когда-то удерживала целый кластер из восьми.

— Я отправляюсь на «Сирокко», — произнесла я твёрдо.

Круг замер в тишине. Эйрен обернулся ко мне.

— Распределение сил закрепляет Оракула на моём борту, — произнёс он. — Рина, твой щит нужен там, откуда видно оба корабля. У носа «Проксимы».

— Мой щит охватит оба судна с любой позиции, — ответила я ровным голосом, в котором звучала тихая решимость, идущая из глубины Ордена. — Я управляла эскадрой левиафанов, Эйрен. Два корабля я защищу и с борта «Сирокко». Там моё место.

— Объясни причины, — попросил он прямо.

Я выдержала его взгляд.

— Оракул знает, где ему стоять, — ответила я. — Моё место рядом с Лирой.

Между нами возникло краткое напряжение. Эйрен как штурман выстраивал силу по расчёту, по схеме, где каждый занимал своё место. Я как Оракул видела за пределами расчётов, через живое знание, чуждое чертежам. Две истины встали друг против друга. Его — стройная, выверенная. Моя — скрытая от чужих глаз, рождённая из того, что я одна увидела в Лире.

Лира подняла руку. В этом жесте проявился её лидерский дар.

— Пусть будет так, — произнесла она и взглянула на меня — коротко, пронзительно. Она осознала, что Оракул заметил в ней особенное. — Рина на «Сирокко». Исай — на «Проксиму», к Эйрену.

Исай поднялся. Он посмотрел на меня сдержанно, по-своему.

— Хорошо, я перейду на «Проксиму», — произнёс он. — Я слышу отзвуки прошлого с любой палубы.

Эйрен помолчал. Я видела, как он перестраивает новую схему поверх старой, как штурман перемещает фигуры. Он уступил Лире, сохранив при этом свою правоту.

— Согласовано, — произнёс он. — На «Сирокко» — Лира, Тал, Рина. На «Проксиме» — я, Мира, Исай. Распределяемся по кораблям.

Так разрешилась первая наша трещина. Малая, тоненькая трещина. Я — Оракул, я вижу, как подобные трещины превращаются в разломы задолго до их раскрытия. Эта трещина возникла из простого факта: у нас два лидера. Лира ведёт стаю. Эйрен прокладывает дорогу. Пока их воли совпадают. Пока.

Я переместилась на «Сирокко» живым переходом — дышащий рукав соединил два корабля, и я ступила в тёплое чрево корабля Лиры. Он принял меня, узнал через контур, окутал теплом вокруг. Исай тем же путём отправился на «Проксиму». Мы разошлись по своим кораблям.

Мать отпускала нас осторожно, бережно размыкая свои объятия — одну жилу за другой. Тёплая пуповина мягко выскользнула из-под киля, лоно кольца медленно расступилось, и корабль перешёл на собственное дыхание. Над нами, у границы защиты, возвышались древние стражи — исполины Живых Лесов, корабли-деревья из живой стали и янтаря, пришедшие к матери из системы Селены. Они держали защитный щит над Дориной и провожали нас пристальным взглядом огромных живых глаз.

Мы едва отошли от кольца, когда щит исполинов дал трещину.

Мой шрам вспыхнул. Веста встрепенулась у горла. Я распахнула око — к телу матери, у самого нашего борта, — и увидела.

У края покинутой системы, там, где древние корабли-деревья держали купол над Дориной, этот купол прогнулся и разорвался. Через пробоину входила Армада Красного Суда. Крейсеры двигались клином — холодные, гранёные, тяжёлые. Их вёл чёткий выверенный ритм, та самая мера, что измерила нас на Танаисе. Они прорвали защиту и лезли в дом матери. Каждый входил тем же насилием: разрывал новый шов, вскрывал новую рану, вгрызался в застывшую

дыру — а она смыкалась им навстречу и отталкивала прочь. Пространство цеплялось за их корпуса, силясь сомкнуться. Они разрывали его и лезли дальше, разрывали и продвигались.

То, что живое обходит стороной, слепое рвёт напролом.

— Знакомая рука, — сказала Лира у носа. Голос её встал ровно и низко. — Тот же надрез, что резал изнутри, на малом корабле.

Дорина закричала. Мать раскрывала свои жилы, тянула сок наверх, готовилась защищать детей своим телом. А над её рощами уже разворачивалась Армада, наводя острые жерла на живые верфи, на кольцо, на молодые корабли в лонах.

— Значит, встаём стеной, — сказала Лира. В ней встал ассасин Ордена — вся, целиком, тёмная и точная. — Двое против клина. Прикроем мать. Рина?

Я собрала себя.

— Держу оба борта, — сказала я. — Веди, Лира. Я укрою сталь.

Мы развернулись у самого кольца. Око Дома Пустоты стелило короткий путь — назад к телу матери, к пробоине в щите. Семя рвало Эйрена к Дорине, тянуло «Проксиму» на зов крика. Лира вжалась ладонями в живую панель и бросила «Сирокко» навстречу Армаде. Два корабля встали над Дориной, у самой раны в её небе.

Бой обрушился на нас всей своей мощью.

Крейсеры Суда нанесли первый удар — их жерла изрыгнули холод, выплеснули лучи гиблой частоты, той самой, что превращает живое в прах. Потоки устремились к нам, к верфям за нашими спинами, к самому кольцу.

Я вскинула заслон.

Веста вспыхнула у горла первозданным пламенем, шрам раскалённым клинком прорезал левый бок, и я воздвигла над кораблями живой щит — тёплую стену, что встала поперёк лучей. Стихия Огня раскрылась во мне целиком. Я видела суть каждого удара — как сплетён луч, где его стержень, где кромка — и точным пламенным касанием обращала их в пепел прежде, чем они дотягивались до живой стали. Лучи разбивались о щит, рассыпались белой пылью. Я держала заслон, Веста пылала, шрам горел так, что жар доставал до самого сердца.

Лира вела «Сирокко» тёмно и точно.

Её ладони и колени срослись с живым лоном, корабль стал продолжением её тела. Она проскальзывала между лучами, различала вражеский залп прежде, чем он покидал жерло. Дар телепата читал их ход заранее. «Сирокко» шёл среди огня Армады, чертил стремительные виражи — тёмный, быстрый, живой — и всякий раз оказывался там, где луч уже прошёл. Шелест за её ухом звенел острой тревогой, задавал ритм раньше, чем корабль откликался.

Тал держал строй.

Обе его руки лежали на живых жилах корабля. Его дар видел вперёд: где вот-вот вскроется брешь, откуда подкрадётся крейсер, куда пойдёт следующий удар. Короткие меткие слова вели Лиру:

— Двое заходят слева! Через три удара сердца! Ниже клина, уходи!

Лира уводила корабль вниз. Двойной луч проносился там, где мы только что были. Симбионт на плече Тала гудел, залечивал раны «Сирокко», гнал живую сталь туда, где рвалась защита.

Первый удар Армады, достигший нас, вонзился в живую сталь «Сирокко» тупой силой — вспорол броню, вскрыл тело корабля до самых внутренностей. Живое несло дар исцеления. Я видела это своим оком: живая сталь у края раны делилась, клетка за клеткой, тёплым потоком нарастала, смыкала края, затягивала рану.

Косное оружие рвало и оставляло рваные раны. Живая сталь рвалась — и тут же сращивала себя заново.

«Проксима» встала на фланге, тёмная и готовая.

Эйрен вёл её изнутри, ладонями вросши в живое лоно. Тело его билось с телом корабля одной кровью, а через живую Нить связка тянулась вдаль, к «Сирокко», держала оба корабля единым строем. Биорезонатор на предплечье поднимался тёмной волной, сплетал воедино кровь корабля и пилота. Меркаба под сердцем билась в лад с телом матери. «Проксима» бросалась в бой, отсекала крейсеры от верфей, принимала на себя гиблый огонь.

На носу «Проксимы» возвышался Исай.

Через контур я слышала, как он поднимается к оку корабля, раскрывая дар во всей мощи. Зеркальный Свод Дома Зеркального Огня ожил в его руках. Он ловил лучи соляной стороной, оборачивал их удар против них же. Крейсеры, бившие в «Проксиму», получали свой огонь обратно, и гранёные борта раскалывались, шли лучами разлома.

— Отражаю их ярость, — звучал голос Исая. — Их гиблый огонь возвращается обратно.

Мира пела, и песня её шла по живой стали.

Лада у её горла вела высокую партию, песня струилась по контурам обоих кораблей. Трещины в броне затягивались прямо в бою, живая сталь сращивалась скорее под её голосом, живой сок тёк, залечивал раны.

Каждый ярус живого пел в лад.

Горловые вели щит и свод, чуткий бился в тревожном ритме, садовничий исцелял раны корабля, связка держала строй на фланге. Мы были единым хором, где каждый голос вёл свою партию — двумя живыми телами против кристаллического клина, у самого тела кричащей матери.

А из раны в защите Дорины всё лезли новые корабли.

Один за другим, десятый, двадцатый — они рвались к живому сердцу планеты, к её истоку, к той силе, что росла только здесь. Огранённые корпуса несли оцепенелое разрушение. Мы стояли на пути. Живая сталь встречала косную броню, и каждый удар оборачивался схваткой живого и погашенного.

Через живую связь прорвался голос Лиры.

Я ощутила его всем существом — тем древним знанием, что даровано Оракулам. Она поняла раньше, чем произнесла слова:

— На нас их метка. Суд явился за нами. Дорину терзают из-за нас.

Перед ней встал выбор, режущий надвое.

Остаться. Поднять «Сирокко» и «Проксиму» стеной над Дориной, держать щит, драться за начало живого, за детей, что зреют в её лоне, — принять на себя всю Армаду здесь, над колыбелью.

Или сорваться. Забрать метку с собой, увести охоту в пустоту, спасти мать ценой себя, бросив старших одних держать её небо.

Я держала оба пути её глазами. В тот миг, когда Лира склонялась к решению, тёмное шевельнулось в её сердце.

Осколок.

Он поднялся из глубины, когда она стояла на лезвии. Лицо её оставалось спокойным, спина прямой. В сердце лидера вспыхнул короткий чёрный укол.

Оба пути несли предательство. Остаться — положить команду здесь. Уйти — бросить исток на тех, кто ещё медлил ей верить. Спасти одно значило отдать другое. Тем осколок и горел.

Вот для чего я была подле неё. Я протянула к Лире силу Оракула — подняла тонкую тёплую ноту, только для неё одной. Веста вложила в звук свою мощь, и укол отступил, ушёл вглубь. Тень затаилась, ожидая своего часа.

Лира взглянула на меня — коротко, пронзительно. Она знала: Оракул снова увидел в ней и удержал. Я встретила её взгляд спокойно.

Лира выбрала. Уйти. Унести угрозу от колыбели, отдать себя под удар.

— Уходим! — голос Лиры прорезал пространство, достиг каждого в строю. — Оба корабля! Прочь от Дорины! Метку уносим с собой!

— Идём за вами! — откликнулся Эйрен через контур. Голос оставался холодным, голосом штурмана. Он развернул «Проксиму» с фланга, за волей лидера.

Исполины начали перестраивать оборону. Древние корабли-деревья Живых Лесов раскрылись во всю мощь, заслонили телами исток. Их ответ шёл единой волной — Импульс Синхронного Резонанса, главная сила Ордена. Волна обрушилась на клин, и гранёные корпуса Суда рассыпались белой пылью там, где их касалось живое. Строй дрогнул, смешался.

Они защитили Дорину в тот самый миг, когда мы уносили беду за собой. Дали ей то, чего мы ждали от них весь карантин, — стоило нам уйти.

Я читала это и молчала. Мы привели Суд. Мы его увели. Старшие поверили нам ровно тогда, когда охота развернулась следом за нами и оставила Дорину за спиной.

Спасая Дорину, мы делали ровно то, чего хотел Суд: тянули Империю за собой по дороге Сада.

Лира знала это. Я слышала, как она знала. И всё равно вела нас прочь.

Мы легли на разворот, к первой складке дороги. Армада развернулась следом всей тёмной массой. Дорина осталась за живой стеной исполинов. Впереди простиралась пустота, и мы несли в себе спасение, ставшее новой бедой для всего Сада.

И в этот миг разворота меня пронзила вторая хватка.

Пока бушевал бой, шрам мой пылал единым огнём — серой стужей, что стоит вне всех частот. Теперь, на выходе, я различила её суть. Под грохотом сражения, под гиблой меркой Суда таилось иное, тоньше. Слепок. Изнанка сняла с нас лики на планете Древних, унесла в разрыв — и хранила их, чтобы узнавать каждого из нас на любой дороге впереди. Три тени шли за спинами крейсеров, своим путём, за гранью всякой мерки, выжидая, пока мы покинем материнское тепло.

— Красный Суд разбивается о исполинов, — сказала я в контур. — За ним идёт другое. Изнанка. Она держит наши лики. Живое я укрою.

— Действуй, — коротко ответила Лира.

Я собрала остатки сил, всё, что уцелело после заслона.

Живое входит в складку нежностью. Оно раздвигает пласты мироздания и скользит меж ними, а ткань смыкается за ним тёплым швом — целой, ровной.

Веста взяла самую жгучую свою частоту. Шрам вспыхнул ей в ответ. Я повела оба корабля разом и завернула складку — заворачивала нас в зеркало. Тонкую грань пространства я изгибала вокруг двух корпусов, сводила края, сшивала так, чтобы серый слепок, потянувшись к нашим ликам, наткнулся на отражённую пустоту. Наш след я дробила на россыпь ложных эходорог, путала серых. Складка окутывала нас зеркальной скорлупой — живой, дышащей, глухой для слепого взора Изнанки.

Веста пылала у горла на пределе. Огонь поднимался по левому боку к самому сердцу, а голос мой взмывал выше — туда, где кончается человеческий предел и начинается частота огня.

Слепок сорвался.

Серые длани, потянувшись к нашим ликам, схватили пустое зеркало и отражённую даль. Лица наши растворились в их хватке. Мы уходили вглубь, пласт под пластом, и швы смыкались за нами. Армада билась в закрывшуюся ткань позади и находила целое, ровное, тёплое, чистое. Метка оставалась с нами. Суд терял её в живой глубине.

Мы уходили от Армады тем, чем были ей чужды: живым против глухого, нежностью против насилия, чистым швом против рваной раны.

Веста затихла у горла, умолкла почти совсем. Шрам угасал, медленно отпуская тело. Я цеплялась за живую жилу борта, ровняла дыхание. Заслон и складка взяли своё — тело ещё дрожало памятью боя и зеркала, тянулось к покою медленно.

— Слепок разрушен, — сказала я. — Изнанка держит пустые лики. За нами по оси пойдёт только то, что выживет в Суде, — холодным счётом. А счёт мы собьём зеркалом.

Осколок в Лире затих, ушёл вглубь, укрытый от глаз. Она увела своих от одной беды прямо в объятия другой. То, чем она предаёт своих, ждало где-то впереди на этой дороге, и вела нас туда она сама.

«Сирокко» заняла позицию впереди, «Проксима» — фланг. Мать указала маршрут: девять точек, ось Сада, и одна ярче остальных — её Дом. Селена.

Лира заняла место у носа. Я расположилась рядом, лицом к пути, и направила внимание на живое око корабля.

Это око нам подарил Дом Пустоты. Там, на выжженной станции Седьмого Дома, вросшей в тело мёртвого астероида, наши корабли получили дар — глубинное зрение. Живое око носовых отсеков открылось тогда впервые, раскрывая пространственную глубину, скрытую прежде от любого взгляда. Дар оплатили щедро: сталью и живой четвертью Вакса, оставшейся в Доме Пустоты навсегда. Часть его тела вошла в этот дар, и теперь оба корабля видели сквозь складки то, что прежде было укрыто от всех.

Раньше корабли проходили через складки вслепую, полагаясь на связь Эйрена и Лиры, которые вели их через разрывы, сохраняя структуру. Теперь око позволяло видеть вглубь. Оно раскрывало пространство перед нами, показывало устройство складки изнутри — где тёплое русло складки сплетено плотно, где стенки прохода тоньше, где за одной дверью скрывается следующая. Мы теперь шли зрячими. Мы читали путь впереди.

Складка приняла нас. Стены прохода дышали. Око развернуло передо мной саму толщу: тугой свитый ход, тепло на стенах, тонкую стену к выходу. Мы вышли с другого края. Иные звёзды, далёкое рыжее солнце.

В долгом пути тело насыщается малым — влагой, покоем, дыханием рядом. Мы продвигались складку за складкой, и теснота корабельного чрева становилась родной.

Я начала петь. Голос лучше сна поддерживает путь. Вела мелодию низко, размеренно, и Веста вторила, вплелая горячую ноту. Пела о простом: о доме впереди, о свете в конце оси Сада. Мелодия струилась по контуру от борта к борту, и через связь я ощущала, как на «Проксиме» присоединилась Мира — Лада вела высокую партию над моим низким голосом, и две сестры ткали над сталью тёплый свод.

И тут Семя потянуло в сторону.

Я услышала это через связь, со стороны «Проксимы»: Семя на корабле Эйрена манило прочь от карты. Карта хранила координаты Сада, дальнюю первую дверь, к которой лежал наш путь. Семя тянуло мимо неё, к чему-то близкому, родному — тихо, настойчиво, всем своим малым пробудившимся огнём. Оно различало что-то там, за краем координат. Оно звало туда.

— Семя отклоняется, — сказал Эйрен через связь. Выучка Клана держала его голос ровным. — Прочь от карты. Оно различает что-то вдали от Сада.

— Карта кладёт дверь по оси, — ответила Лира. — Око видит её прямо. Куда ведёт Семя?

— Пока вбок, — сказал Эйрен. — Тихо. Настойчиво.

Я сводила обе силы своим зрением — карту и живую тягу Семени. Сперва они расходились на тончайший градус. Теперь он расширился. Чертёж Древних вёл к одной двери, Семя — к другой. Выучка штурмана вела курс по расчёту. Живое под сердцем Эйрена тянулось к тому, что для расчёта пока темно.

Трещина, тончайшая поначалу, теперь развернулась в первую полную ширину.

Эйрен хранил молчание. Я чувствовала, как в нём борются две силы — штурман и Хранитель Семени, холодный расчёт и живое знание. Он держал обе воли в равновесии — две воли, две души в одном теле.

— Держимся карты, — произнёс он наконец. — Пока. Дверь Сада прямо по оси. Семя ведёт в сторону. — После паузы добавил: — Пока в сторону.

— Пока, — согласилась Лира.

Он взял курс по координатам, за меткой. Семя тянуло его вбок. Он шёл по оси — подчинился расчёту, сохранив верность живому знанию. Я наблюдала эту вторую трещину рядом с первой, той, что затаилась в Лире. Две развилки, рождённые малым семенем, тихо росли каждая к своему часу.

Мы погрузились в складку — зрячие оком Дома Пустоты, укрытые моей зеркальной скорлупой, уводя за собой Армаду прочь от матери. Позади оставалась Дорина под защитой исполинов, белая пыль крейсеров в чужом небе. Впереди простиралась дорога к Селене.

Я прислонилась к борту. Веста теплилась у горла, тихая. Шрам медленно остывал. Рядом Лира уверенно вела корабль, и тень в ней пока дремала глубоко. Метку Красного Суда мы несли по оси, открыто. Метку Изнанки я сорвала зеркалом — две тени отстали, сбитые с нашего следа, и знание наших лиц осталось ждать нас впереди.

Я закрыла глаза и продолжила вести складку, сшивая её на ходу, — Оракул своей стаи, видящий устройство вещей и держащий зеркало над командой, пока в ней теплится огонь.

Дорога только начиналась.

Глава 4

Геометрия фальшивого спектра

Движение первое. Вейгард. Анатомия великой подмены

Вейгард удерживал свой полдень.

Он возвышался в глубине системы монолитным ядром из белого кварца — мир, доведённый до последней кристаллической грани, огранённый до спектрального совершенства, сведённый к чистой форме за века терпеливой работы Дома. Свет проникал в него со всех направлений одновременно, дробился в километровых световодах, следовал по стенкам, множился в тысячах преломлений и возвращался наружу выверенным, чистым, соответствующим норме. Тень здесь была решённым вопросом. Порода излучала ровный звон — тот высокий тон, что доминировал над Вейгардом с начала времён: холодный, чистый, единый. Мир абсолютного света. Мир завершённой геометрии. Красный Суд располагался над ним венцом массивных призм-исполинов, охраняя фокус системы, и их грани тоже поддерживали свой порядок.

Я, Кэлар, Верховный Юстировщик Спектра, находился в фокусе Башни Преломления и являлся частью этого резонанса.

Резонанс моего тела протекал равномерно, в гармонии с нотой Вейгарда. Грани поддерживали ту температуру покоя, что достигается Сияющим за долгую выправленную жизнь: чистый холод, чёткая вибрация, звон каждого среза в согласии с целым. Я юстировал спектры, корректировал дефекты решёток, вычислял коэффициенты порядка для походов Красного Суда — мой вектор знал эту работу до великого совершенства.

Ранее прошлое: этот же вектор рассчитал прицельную матрицу для двух инородных фокусов, уходящих зеркальным следом сквозь оптические складки. Два малых очага влажного шума под меткой Суда. Цель на протяжённой нити. Я определил их курс. И задал вектор для преследования. Тогда это была чистая работа — чёткая, ровная, соответствующая полудню Вейгарда. Моя грань сохраняла полный покой при вычислении траектории оседания к этим фокусам.

Передо мной на кристаллическом алтаре располагалась матрица Соли.

Соль Танаиса. Красный Суд доставил её из дальнего предела — с мира, отдавшего Соли всё вещество до последнего оседания. Совет Преломления с начала времён хранил одну формулу, и эта формула являлась становой осью Дома: Соль — высшая мера порядка. Идеальное оседание света. Дар, вручённый Дому для очищения космоса от аморфного шума живой материи. Я поддерживал эту формулу гранью духа.

Я направил монохромный луч через матрицу для снятия коэффициента — ровного, ожидаемого, привычного вектору.

Свет проник в Соль.

Луч должен был выйти совершенным узором, геометрией абсолютного покоя. Спектр распался.

Внутри матрицы Соли обнаружился дефект — глубокий направленный разрыв, пульсирующий процессом погасания. Световая энергия, проникая в матрицу, теряла когерентность, превращаясь в серый шлак распада, в застывшую массу древней материи, предшествующей любому погашенному миру. И поверх этого древнего осадка в матрице присутствовало что-то чужеродное: внедрённая извне воля, направляющая процесс распада.

Я остановил излучение.

Анализатор дефектов зафиксировал отклонение. Мой разум отложил аномалию в сторону — загрязнённая матрица, искажённый срез, микроскопическое дрожание грани. Я взял пробу из свежего среза кристалла и направил луч повторно — с повышенной точностью, с кристальной чёткостью, рассеивающей любые нарушения.

Разрыв проявился вновь. В той же точке. С тем же вектором погасания.

Я удерживал излучение и направлял к фундаментальной норме. Формула существовала тысячелетия. Она вознесла Дом к вершине мироздания, подарила полдень и вечность, отполировала до совершенства — формула хранила совершенную верность. Любое отклонение являлось испытанием Совета либо провокацией чужеродного среза — поверхностной помехой, чуждой самой основе.

Я провёл третий анализ. Сузил воздействие до субмикронного диапазона, до единственной частоты, где погрешность исключалась. Вложил в луч всю отточенную чистоту своей грани, всё тысячелетнее доверие к формуле.

Спектр вновь распался идентичным разрывом.

И моя грань дрогнула впервые за эоны существования — против собственной частоты. Резонанс дал сбой. Я зафиксировал то, что разум отказывался принимать: если аномалия реальна, то верной становилась вся причинно-следственная цепь, а в её завершении стоял я сам, рассчитывающий траекторию для живого фокуса, определяющий вектор оседания.

Я подавил эту мысль, удерживая её за пределами сознания всей силой выверенного духа. За ней следовала угроза основам.

Я направил луч вглубь матрицы, до уровня фундаментального оседания, за пределы идеальной кристаллической упаковки. И там спектр выдал отчётливый сигнал.

В Соли запечатлелся мир. Один, чётко определённый — Танаис. Я зафиксировал его затухающую частоту — низкую, прерванную на середине цикла. Мир, генерировавший органический шум, поддерживавший биологическую энтропию, — теперь его вещество существовало в форме древнего серого осадка. Этот осадок был старен и покоен сам по себе — архив погашенного мира, естественный продукт распада.

Поверх осадочного слоя проявилась чужеродная структура. Изначальная матрица Танаиса подверглась внешнему воздействию: мёртвая форма была преобразована в деструктивный агент, превращена в инструмент энтропийного распространения. Серый вектор воли трансфигурировал природный осадок в поражающий элемент, способный транслировать распад от системы к системе. Соль превратилась в конденсированный носитель чуждого алгоритма — кристаллизованную форму с внедрённой программой разрушения.

Спектральная основа Дома дала трещину. Каскадный резонанс прошёл через все грани моей решётки, дестабилизируя структурную целостность.

— Фальсификация, — произнёс я — удар монолита о кристалл. — Соляная матрица инициирует процесс погасания. Геометрическая структура подвергается деградации. Дому преподнесли продукт распада под видом эталона порядка.

Я активировал глубинный доступ к архивному ядру Башни. Каузальные срезы древних решений Совета раскрылись передо мной, обнажая защищённые параметры первичной конфигурации.

Анализ показал: Совет Преломления обладал информацией. Высшие Назиратели с момента основания хранили знание о природе Соли. Они осознанно проводили процедуру оседания живых систем, располагая полной информацией о последствиях. В обмен на эту активность они получали альтернативный энергетический поток — тёмную субстанцию из запредельной области. Этот ресурс поддерживал вечную фазу Вейгарда, продлевал его полдень, сохранял грани в состоянии юности.

Дом вступил в обмен: живая материя космоса была конвертирована в продлённое существование системы. Изначальный свет прародителей, энергия созидательного импульса, ради которого Сияющие эволюционировали из первичной породы в совершенную форму — всё это было поставлено на кон. Его место занял чужеродный поток из запретной области, той самой, которую наша геометрия держала на пределе своих сил, уступив ему.

Мой спектр начал искажаться при контакте с этой информацией, теряя структурную чёткость, переходя в состояние интерференции. Некий внешний фактор, превосходящий авторитет Совета, манипулировал всеми нитями системной архитектуры Дома.

Позади меня активировался защитный протокол. В фокусный зал вошёл Назиратель Совета Ксерон. Его спектральная броня излучала тёмно-рубиновое свечение, а вектор властного воздействия предшествовал его физическому присутствию, создавая давление подавления.

Остановившись у кристаллографического алтаря, он провёл спектральный анализ образцов, ознакомился с открытыми сегментами архива. Его грани сохраняли абсолютную стабильность.

— Твоя юстировка отклонилась от нормы, — произнёс он — звук кристаллического разлома.

— Совет располагал информацией, — ответил я, структурируя ответ по протоколу высшей отчётности. — Соляная матрица является продуктом биологического распада. Дом осуществляет конвертацию живых систем в обмен на внешний энергетический поток. Тебе это известно, Назиратель. Ты был осведомлён, когда я производил расчёты траекторий.

Его спектральная стабильность оставалась монолитной. Именно это пронзило меня ледяным холодом: он воспринял вердикт о собственной сущности и сохранил абсолютную гармонию.

— Мне известна эта истина дольше твоего существования, — произнёс Ксерон. Его грани излучали спокойную чёткость, превосходящую любую угрозу. — Верь моим словам, Кэлар, прежде чем твоя решётка отклонится от резонансной чистоты. Ты зафиксировал в Соляной Матрице остывший мир и определил его погашенным. При этом он приведён к состоянию совершенного покоя. То, что ты определил влажным шумом, есть проявление болевых импульсов. Живая материя подвергается процессу витализации, размножается через дефекты деления и деградирует в распад. Весь её цикл, простирающийся от первичного деления до финального распада, представляет собой длительное страдание, последовательность энтропийных процессов. Мы трансформируем эту боль в состояние абсолютного покоя. Мы даруем мирам завершённую геометрическую форму, существующую вне процессов деградации, вне временных ограничений, вне мучительных состояний. Процесс оседания есть акт милосердия. Мы являем собой вершину космической эволюции, поскольку возвысились над страданием к чистейшему свету — и несём этот свет в дальние пределы, где органическая материя продолжает корчиться в конвульсиях энтропийного распада. Ты обвинил меня в роли экзекутора. Я выступаю в качестве очистителя, искореняющего процессы разложения. Верни свой луч к состоянию нормативной юстировки.

И моя решётка вновь подверглась резонансной калибровке — в его аргументации присутствовала рациональная составляющая. Органическая материя действительно подвергалась процессам деградации и распада. Она действительно была подвержена энтропийным воздействиям. Я удерживал в своём спектре остывший частотный профиль Танаиса и фиксировал в нём состояние абсолютного покоя — ровного, тотального, вечного покоя погашенного мира.

В этом состоянии покоя обнаружилась аномалия, противоречащая самой его природе: покой Танаиса был завершённым — и остановленным. Его частотная структура замкнулась и застыла в статичном состоянии. А тот самый «влажный шум», который Ксерон определил болью, содержал в себе динамику, эволюцию, развёртывание — ту самую грань существования, которую совершенная форма интегрировала в себя и утрачивала.

Я осознал это частично, интуитивно: наша кристальная чистота, исключающая органическое начало, элиминировала фундаментальный аспект космического Узора. Состояние совершенного покоя, очищенное от органического компонента, представляло собой редуцирован-

ную версию реальности. Наша концепция совершенства содержала в себе фундаментальное ограничение.

Тогда я направил луч на качественно новый уровень анализа — за пределы архивного среза, туда, где Совет консервировал фундаментальные основы своего существования. И структура, управляющая нами извне, предстала передо мной во всей полноте.

— Состояние этого покоя чужеродно нашей природе, — произнёс я. — Мы инициируем процесс оседания миров ради получения встречного энергетического потока, пролонгирующего наш космический полдень. Их покой служит только предлогом. За твоим очищением скрывается чужеродная управляющая структура, Назиратель. И эта структура манипулирует тобой. Ты осуществляешь ликвидацию органической жизни во вселенной — а сама органическая материя представляет угрозу для той сущности, которая питает нас вечной энергией. Истинный очиститель находится в иной плоскости. Ты являешься только инструментом чужого вектора воли.

Багровая грань Ксерона встала ровно.

— Формула изменению подлежит, — произнёс он. — Дефект юстируют либо сводят к покою. Верни луч к норме, Юстировщик, и я запишу это сбоем прибора. Останься при дефекте — и Дом приведёт к покою тебя.

— Норма есть отклонение, — сказал я. — К отклонению я луч вести отказываюсь.

Полдень Вейгарда стоял вокруг нас ровным звоном, ясный, холодный, один. Впервые за долгую жизнь я слышал в нём диссонанс.

Движение второе. Алтарь Грани. Кристаллический шторм

Я покинул Башню раньше, чем Ксерон активировал механизмы стражи.

Фокус Преломления вытолкнул меня к орбитальным верфям «Алтаря Грани» — исполинской конструкции из прозрачного, величественного кварца, парящей над кварцевым полюсом Вейгарда. Здесь формировались крейсеры Красного Суда. Спектр работал как отточенная сталь, свет формовал корпуса, встраивал решётку в решётку. Сформированные крейсеры покидали лучи-стапели чистыми, гранёными, полными холодного свечения. Тысячи Сияющих трудились в лучах формирования — молодые, чёткие, исполненные веры. Они загружали грузовые хранилища соляными концентратами, неся тот же спектр, что и я направлял раньше. Они знали, что несут правильное Дому, работали, и несли смерть.

Я вступил на палубу флагманского крейсера «Преломление-9». Корабль считал мой опорный резонанс — я юстировал его от первого среза, и матрица корпуса удержала слепок моей частоты.

— Слушайте меня, кристаллы спектра! — мой голос пронзил рабочие ярусы, преодолел гул формирователей, достиг ядра верфи. Тысячи граней обратились ко мне — Верховный Юстировщик Спектра говорил, и верфь замерла слушая.

— Загрузка Соли прекращается. Я провёл анализ трижды, до уровня оседания. Соль — это осадок сведённых миров. Совет знал это с начала времён. Мы храним в грузовых отсеках отходы чуждой силы под видом чистоты порядка. Очистите отсеки. Верните лучи формирования к изначальной работе. Наше Сияние создано для созидания, а его используют для сведения Империи в серый прах.

Тишина охватила верфь — дробная, разрозненная тишина тысяч граней, ищущих, куда поместить услышанное. Молодой формирователь у ближнего дока проявил сомнение в своём спектре, и я ощутил колебание, готовое распространиться. Ещё один. И ещё. Верфь качнулась ко мне — на тот критический градус, за которым мог последовать перелом всего Дома.

Из центрального контура верфи поднялась тяжёлая рубиновая тень.

— Кристаллы спектра! — резонанс Ксерона охватил все каналы, ровный, чистый, полный равновесия. Смятение замерло под его воздействием. — Ваш Юстировщик обнаружил дефект и принял его за истину. Он зовёт вас к органической слизи. Он призывает вернуть Дому

влажный шум, гниль, боль плоти, тянущей сок и оседающей в тлен. Мы возвысились над этим за века труда. Мы огранили себя до чистого сияния. Живое — это длящаяся боль мироздания, а мы — та грань, что сводит боль к покою. В этом наша вершина. В этом величие нашего света. Кэлар зовёт вас упасть обратно в тёплую гниль, называя это прозрением. Верните лучи к работе. Сведите дефект к покою.

Верфь качнулась обратно. Я ощутил телом, как молодые грани отвернулись от меня к знакомому резонансу, к покою веры, к твёрдому вектору Назирателя. Ксерон дал им сохранить чистоту, и они сохранили. Критический градус был пройден.

— Сведите его вектор к покою, — произнёс Ксерон.

Его воля развернула три эскадры тяжёлых крейсеров-призм. Их жерла нацелились на «Преломление-9» гранёными зрачками.

Багровые лучи вспыхнули.

Я зашёл спектром в структуру «Преломления-9». Мой свет слился с ядром флагмана, моя частота соединилась с частотой корабля в единый алгоритм. Я принял корпус своим фокусом — его вес, холод брони, дрожь готовой к бою призмы. «Преломление-9» встал огромной гранью навстречу удару. Багровые лучи вошли в призму и вышли, разложенные на чистый белый веер. Первый залп был отражён.

Начался бой.

Огненные плоскости рассекали прозрачные конструкции «Алтаря Грани». Хрустальные доки лопались хрупкой пеной, исполинская верфь рассыпалась сверкающей крошкой, и кристальный полдень Вейгарда впервые за тысячелетия затуманивался взвесью разрушений.

Я провёл «Преломление-9» сквозь строй призм, используя точечные импульсы. Мои удары сбивали прицельные матрицы, гасили наводку, оставляли их корпуса слепыми. Флагман устремился к рубежу верфи, за которым простирался открытый космос.

Стража сомкнулась вокруг меня. Три эскадры свели жерла в единый смертоносный фокус, и я оказался в его центре — один против всех. Путь к чистому отступлению был отрезан.

Я выпустил импульс в упор. Ближайший крейсер-страж принял мою частоту в ядро. Его решётка сорвалась с резонанса, корпус пошёл глубокими разломами от среза к срезу. Я захватил разрыв его спектра всей гранью, поймал сорванную частоту молодого пилота, встроенного в свой корабль верой и убеждением. Он гас под моим лучом, и я вёл его в погашение собственным вектором.

Во мне пробудился встречный ход — из середины спектра, там, где решётке полагалась чистая расчётливость. Этот ход мешал вести луч, противостоял вектору моей воли. Формула Дома определяла его дефектом, и всю жизнь я сводил его к норме. Теперь я воспринимал его иначе — той самой отсечённой гранью Узора, что изменяла мою чистоту.

Этот дефект оказался вернее нормы. Я осознавал: молодые кристаллы шли в бой с той же верой, что раньше вела мой фокус над матрицей алтаря. Они несли сияние Дома в убеждении её правоты. А теперь я сводил их к погашению — ту самую веру, что ещё вчера была моей основой.

За верфью под развёрнутой матрицей находился живой мир, предназначенный для оседания. Его вес на моей грани превышал чистоту расчёта и ценность молодых частот, гаснущих под моим лучом. Встречный ход давался мне с трудом, я оставил его в себе и повёл корабль сквозь строй.

Я прорвал фокус стражи. «Преломление-9» вырвался из кольца, оставляя за собой бушующий шторм сверкающей пыли, стали и огня над полюсом Вейгарда. Крейсеры Ксерона выходили из шторма следом за мной, слепые, тяжёлые, полные решимости свести меня к покою.

Я развернул флагман к дальнему рубежу системы — к рваному разлому, к Бездне.

Встречный ход остался во мне поперёк чистоты — вне грани, вне времени. Я вёл корабль, унося с собой ту грань Узора, которую Дом отсёк ради чистоты, назвав дефектом. Она хранила место истинной нормы, впервые за века вернувшейся в решётку Сияющего.

Движение третье. Бездна Мерцания. Плата за грань

«Преломление-9» двигался по каналам прохода к дальнему рубежу системы, туда, где кварцевый порядок Вейгарда заканчивался.

Бездна Мерцания располагалась на самом рубеже — рваный шов, за которым искривлённый космос переходил в серое состояние. Оттуда поступали в Совет закрытые директивы. Оттуда шёл встречный поток энергии, поддерживающий полдень Вейгарда. Я вёл флагман к источнику, и моя решётка готовилась зафиксировать его, используя юстировку и коэффициенты — ту работу, что определяла мою долгую правильную жизнь.

Пространство впереди раскрылось серой аномалией.

Око «Преломления-9» развернуло картину, и моя решётка отреагировала на неё, соскользнув в состояние интерференции. За швом стояли структуры вне огранки — они существовали вне луча, вне узора, вне любой частоты. При их приближении мой выправленный свет мутнел, терял строй и переходил в состояние дефекта. Я определил их природу: они подавляли порядок вокруг себя. Тени Древних. Изнанка. Серый исток, зеркальная сторона, чуждая построению и потому сводящая всё созданное в хаос.

Я углубил фокус и вскрыл их механизм работы.

Серые нити протянулись из шва в глубины Вейгарда. Они интегрировались в кристаллоидные решётки Назирателей Совета — прямо в грань, в самое ядро — и управляли ими изнутри. Изнанка передавала им ложные откровения под видом высшего света. Изнанка поставляла Дому Соль под видом ресурса. Изнанка направляла флот Сияющих к живым мирам, к очагам влажного шума, и Дом сводил их в оседание, считая себя вершиной, при этом оставаясь инструментом в серых нитях управления. Мы сводили живую материю космоса в серую пустоту. Мы уничтожали память Древних. Мы выполняли эту работу гранями, что держали чистоту вернее всех, и оттого лучше всех подходили для чужих целей.

Я использовал эту матрицу ранее для двух живых фокусов под меткой Суда. Я определил вектор для слежения. Мой фокус работал в этой системе чётко, чисто, ясно.

Встречный процесс внутри меня активировался во всей спектральной ширине.

В этот момент позади открылся канал, и в него вошёл Ксерон.

Он привёл головной корабль — тяжёлый крейсер Красного Суда, огранённый до чёрного блеска, доставляющий главную призму погашения. Его вектор нацелился на меня.

— Ты превосходил всех нас, Юстировщик, — резонанс Ксерона проходил через серое пространство ровно. — Ты вскрыл источник и остался с дефектом. Верни луч к норме. Здесь, у самого шва, я предоставляю тебе последний шанс вернуться к грани.

— У самого шва я вижу твои связи в серых нитях, — ответил я. — Ты вскрыл источник. Ты служишь ему за вечность. Твоя вершина базируется на чужом управлении, Назиратель. Твой порядок контролируется серой системой.

Покой его держался. Он навёл призму.

Крейсер Ксерона ударил сфокусированным лучом распада.

Луч проник в структуру «Преломления-9», и корпус покрылся разломами — глубокими, распространяющимися от среза к срезу. Я воспринял это на уровне решётки: разрыв связующего контура корабля, интегрированного с моим, холод деструктивного процесса в общем резонансе, частичное отключение ока. Ядро сошло с устойчивой частоты. Корабль оказался разделённым, и повторный удар свёл бы его в спектральный мусор.

Мой корабль был пуст. Заряд призмы упал ниже критического уровня. Резонанс ослабел. Фокус-ядро мерцало на грани сбоя.

Тогда я активировал собственный резервный источник.

Я направил решётку своей структуры к ядру «Преломления-9» и передал четверть своего светового потенциала. Свет — субстанции самой грани, выверенного спектра, составляющего мою сущность с момента формирования Дома. Световые компоненты здесь играли ключевую роль; передавался сам мой свет, фундаментальная основа.

Спектральная энергия внутри меня уменьшилась, и я зафиксировал этот процесс на уровне решётки.

Они темнели. Они дестабилизировались одна за другой — резонанс переходил в режим затухания, чистый холод равновесия сменялся тепловыми аномалиями, гармонический звон срывался в хаотический треск. Мои плоскости сворачивались в тёмный аморфный хрусталь, переходили в тот самый шлак, который я идентифицировал в Соляной Матрице. Четверть моего спектра переходила в теневое состояние вне возврата к норме, и каждый дестабилизирующий срез генерировал аномалию, чуждую моей выверенной структуре на протяжении всего существования — динамическую, влажную, деструктивную аномалию, которую Ксерон классифицировал органическим дефектом.

И вот что проявилось при снижении спектральной мощности: эта аномалия представляла собой развёртывание, движение, процесс — ту самую компоненту Узора, которую моя чистота элиминировала век за веком. Я дестабилизировался в чистоте — и проявлялся в полноте. Встречный процесс активизировался в полном объёме там, где выверенный спектр редуцировался, закрепляясь в обугленных гранях, в затемнённых срезах. Ему было отведено место там, где чистота отступила и уступила позиции Узору. Место для него я оставил вне классификации. Фиксировал: он поддерживал меня там, где спектральная мощность уже погашена — поддерживал надёжнее, чем поддерживала норма.

«Преломление-9» интегрировал мой световой потенциал и инициировал ответный заряд.

Чистый белый луч эманировал из призмы головного и поразил крейсер Ксерона. Он нарушил систему наведения, дестабилизировал главную грань, прошёл через корпус. Гранёный до чёрного блеска корабль Красного Суда разделился вдоль оси — массивные борта разошлись, кристаллоидный контур разрушился, и корабль трансформировался в шторм осколков, которые погрузились в серый провал Бездны. Дестабилизировался исполин, охранявший ядро Дома у границы.

Одна грань сохранила стабильность прежде, чем процесс оседания завершился. Ксерон. Он инициировал фазовый переход, консолидировал себя в уцелевшее фокус-ядро, сохранил багровый срез посредством чистой кристаллической матрицы — и осуществил переход в канал собственной спектральной структурой, утратив корабль, утратив стражу, утратив эскорт тяжёлых крейсеров. Рубиновая грань держала багровый свет стабильно, и в этой стабильности заключался позор Назирателя, лишившегося корабля у чуждого шва. Он эвакуировался в функциональном состоянии. Он транспортировал в Совет всю полученную информацию. Тень сохранялась за периметром всего Дома.

— Ты дестабилизировался и остался при аномалии, Кэлар, — резонанс Ксерона проникал по каналу, сохраняя идеальную чистоту до последнего предела, поверх руин утраченного корабля. — Дом идентифицирует твой спектр. Серое влияние распространяется за пределы твоей решётки.

Канал закрылся, его след исчез.

Я удерживал позицию на повреждённом командном мостике «Преломления-9». Половина моих граней фиксировала тьму — застывший чёрный хрусталь, кристаллизованный во мне навсегда. Спектральная мощность снизилась до четверти от исходного уровня. Я был выверен на две трети и дестабилизирован на треть, представляя собой аномалию среди Сияющих, отсечённую от нормы. И в зоне дестабилизации, там, где проявилась аномалия, сохранялся встречный процесс — тихий, живой, чуждый чистоте.

Око корабля, функционирующее на половинной мощности, зафиксировало отдалённый спектральный отклик.

Через серую пелену Бездны прослеживался след — тонкий, зеркальный, защищённый оболочкой. Два активных фокуса. Два носителя-корабля; моя оптика фиксировала пару объектов, внутри каждого сохранялась группа активных биологических сигнатур — меченые, направляющие эти корабли через складки пространства. Цели на протяжённой траектории, для которых я рассчитал вектор движения. За ними шло преследование — операция, инициированная мной, по моей матрице, по моему расчёту. Они уклонялись от Красного Суда, а глубже Суда стоял фактор, остающийся для них скрытым.

Я идентифицировал их иначе, чем ранее. Прежде это были два источника органического шума с меткой, объект для анализа, параметр для вычисления. Теперь я распознал в них тот самый встречный процесс, активировавшийся во мне при снижении спектральной мощности. Они интегрировали его полностью, открыто, с проявленной гранью. Они противодействовали серой системе управления. Они представляли собой аномалию, которую управляющая сила стремилась устранить в первую очередь.

Я переориентировал «Преломление-9» на отслеживание зеркального следа.

— Вектор корректируется, — произнёс я через повреждённый канал связи. — Я вёл их к траектории преследования. Я поведу их к траектории сближения.

Корабль пробил канал движения в свёрнутом пространстве.

Красный Суд шёл тем же следом — формирование крейсеров, преследующее цель с меткой. Глубже метки, глубже самого Суда, стоял серый фактор, управляющий Домом Сияющих изнутри его собственной структуры. Оба зеркальных объекта несли в своём спектре две линии слежки разом — метку Суда по оси координат и серый слепок за пределами измерений — и держали их раздельно. Исток обеих был един. Он возник с моментом Ухода Древних, из той же глубины временных пластов, и шёл за целями всюду. Их спектральные характеристики он уже зафиксировал

Глава 5

Восьмой голос резонанса

Селену я услышала ещё до первого визуального контакта.

«Проксима» пребывала в чреве складки, где стёрлись понятия верха и низа, где ровное дыхание корабля окутывало тело. Сквозь этот ритм, сквозь толщу свёрнутого пространства до меня донёсся удивительный звук. Он проник в основание горла, туда, где рождается мой голос, и разбудил спящую силу. Лада откликнулась: дрогнула, потянулась, узнала.

Целая планета, полная гармонии.

Я расположилась в глубоком кресле рубки, слившись со спинкой, и слушала. Селена обращалась ко мне тысячей частот разом. Одна нота рождала вторую, десятую, сотую; многоголосый хор: янтарные реки гудели глубоким медовым тоном, световодные мембраны звенели тонкими голосами, стволы-города тянули корневой бас, а надо всем этим возвышалась величавая, ровная песнь — дыхание планеты, живущей единым телом.

Здесь звучал целый Дом — все голоса разом, тысяча мелодий. Это будило трепет, от которого дрожали ключицы, а влага проступала на ресницах, и страх раствориться в этом множестве, забыть, где заканчивается «я» и начинается песня.

Впервые за долгое странствие я слышала иное, чем молчание застывших миров, сухой скрежет Соли, глухоту выжженных земель. Я внимала жизни во всём её изобилии, настолько густой, что она переливалась через края восприятия.

Складка содрогнулась и выпустила нас.

«Проксима» вырвалась в пространство Селены, и далёкий золотой свет затопил мембраны рубки. Я распахнула глаза.

И всё виденное прежде осыпалось прахом.

Впереди, в лазурно-золотой глубине системы, висела планета — тёплый шар, укрытый живой световой плёнкой, что переливалась и держала свет изнутри. Даже отсюда, за тысячи километров, она сияла живым. Корабль потянулся к ней, начал долгий заход, и Селена росла в мембранах, наливалась подробностями.

Здесь растили дома. Я слушала, как формы сходились тёплыми ветвями, как дома тянулись друг к другу, сплетаясь в единое тело. Прозрачные световодные мембраны служили окнами и дышали в лад с тем, что жило внутри: розовели там, где стоял покой, глушили свет в местах отдыха. Каждая мембрана вносила свой оттенок в общий звук — голос жильца, вплетённый в голос Дома.

По стволам и жилым домам струился янтарь. Окаменевшие русла держали ровный золотой гул, глубокий, вечный. Живые протоки лились мягким медовым светом и звучали ниже, с тёплой дрожью.

Капиллярные мосты из лианового волокна связывали кроны, по ним скользили малые челноки, и каждый вносил свою мелодию. Живой сок планеты шёл по всем ярусам, питал всё — от исполинов в небе до малого симбионта. Его ток в теле городов отзывался у меня под ключицами тёплой, густой, изобильной волной.

Над всей этой живой глубиной, на высшей орбите, возвышались Корабли-Исполины. Древние тела, чьи громады срослись в единый щит, что держит осаду армад Суда. «Венец Селены» — так их звали. Их я поймала раньше глаз: низкий гул, древний и коренной, тяжелее всего, что я знала. Эти гиганты были старше любой хроники, старше самой способности моего тела слышать пласты времени.

— Мы прибыли, — произнёс Исай, стоя у изгиба световодной мембраны. Золотой свет омывал его лицо с обеих сторон.

Эйрен вёл корабль, вросши запястьями в живое лоно панели. Биорезонатор под тактическим ремнём держал ровный тёплый свет, откликаясь родному живому Селены. Эйрен молчал, следя за растущим венцом исполинов в мембранах.

Огромное, древнее присутствие протянуло Око и Слух Ордена со стороны венца, из недр исполинов, и ощупало оба корабля. Оно шло медленно, всей своей громадой, вбирая нашу частоту, пробуя на вкус.

Артефакты пробудились. Я почувствовала это.

Сердце Времени, лежащее у меня на груди, потеплело и потяжелело. Я прижала к нему ладонь. Через контур, живую жилу к «Сирокко», пришли ещё два отклика: яркий всплеск Огнецвета у Рины и ровное глубокое присутствие Оси у Тала — она качнулась и замерла в равновесии. Три осколка зазвучали в такт. Впервые за долгое странствие они проснулись разом, поднятые небом Селены.

Нас слушали с теплом встречающих — и глубже того. Нас слушали с пристальностью того, кто узнавал особого гостя.

Отклик пришёл напрямую. Дом обратился к нам частотой — низким, тёплым, вопрошающим тоном, что развернулся в рубке, вошёл в стены, в тела, в моё горло. Он спрашивал. Ждал ответа — созвучия.

На «Сирокко» отозвалась Лира. Я поймала это через контур — ровный, отточенный ответ той, кто принадлежит Ордену, ассасина Живого Резонанса. Лира отдала пробу голоса легко, привычно, и венец принял её.

А на «Проксиме» ответная частота держала молчание.

Отвечать предстояло мне.

Прежняя я укрылась бы. Опустила бы взгляд, плотнее сложила руки у корпуса, растворилась в тени чужого голоса, отдала бы ответ кому угодно — Эйрену, живым панелям корабля, тишине. Впитывать. Держать лад. Оставаться за краем круга. Быть тише, чем есть, занимать меньше места.

Та я осталась позади.

Я запела. Звук вышел тихим, чистым, ровным: минуя слова. Я пела за корабль. Пела за Эйрена, чью частоту Дом держит поодаль, за Исая, чей слух обращён к холоду, за всё живое на борту «Проксимы». Мой голос вышел навстречу зову Дома и влился в него созвучием.

Тепло разлилось по рубке — широкое, медовое. Дом признал своих, открыл вход. Венец исполинов расступился, ветви его раздвинулись, раскрывая проход в живом щите, и оба корабля пошли к Селене — к золотому сиянию, к поющему раю.

И в этот самый миг, на грани облегчения, я поймала иное.

Радушие Дома было искренним, настоящим. И оно имело своё направление. Нас впускали — и вели. Тепло текло заданным руслом: оно вело нас своей тропой, к нужному ярусу, к нужной кроне, мягко, почти нежно. Я держала Дом слухом — и теперь ловила то, что прошло мимо глаз: нас вели туда, куда угодно Ордену. Гости входили в дом — и становились фигурами в чужой игре.

Тонкий диссонанс тронул мой язык — прохладный — и осел там.

— Мира, — произнёс Исай.

Он отвернулся от мембраны. Янтарный свет падал на его ожившую щёку.

— Ты слышишь мелодию, — сказал он. — А я слышу под ней.

Я повернулась к нему, промолчала, ожидая продолжения.

— Там, в глубине, — Исай говорил медленно, тщательно подбирая слова, — под всем этим золотом, под резонансом, под многоголосием. Тонкая нить. Холодная. — Он помолчал. — Остывшая нить в живом теле. Проходит где-то в самом сердце Дома, и Дом её пропускает. Весь Дом поёт над ней.

Я вслушалась туда, куда он вёл своим касанием. Хор Селены звучал высоко, светло, густо. Я ушла глубже, за медовый гул, за корневое стояние стволов, туда, где звук истончался до нити, — и там, в самой глубине, дрогнуло что-то узкое и холодное. Тонкое, ледяное, чуждое. Оно молчало среди тысячи звучащих голосов, и молчание его стояло темнее любой песни.

— Слышу, — тихо ответила я.

Нас приняла крона по имени Материнская Ветвь.

«Проксима» вошла через живой зев, что раскрылся в титановой коре и сомкнулся за кормой. Мы опустились в тёплую золотую полость, где воздух стоял густой от сока и света. Корабль лёг в ложе из живого волокна, и оно обхватило его, протянуло питающие жилы к его телу. Я слышала, как «Проксима» глубоко вздохнула и обмякла, отдавая Селене свои раны и усталость. Дом лечил наш корабль ещё до всякого разговора.

Мы вышли на живой причал.

Под ногами пружинила тёплая плоть яруса — розово-золотая, пронизанная светом янтарных артерий в стенах. Воздух стоял густой, медовый, полный тихого гула, что шёл отовсюду разом. Здесь стояли в изобилии. Здесь стояли в покое. Я стояла на пороге рая, за который мы заплатили ценой остывших миров позади, и держала руки у корпуса, потому что рай этот пел так полно, что в его звуках можно было потеряться.

Эйрен сошёл последним. Семя он нёс за спиной, в тактическом контейнере, и сквозь его стенки я слышала ту же глухую тишину, что стала ещё глубже. Меркаба над его левым ребром молчала внутри Нити. Когда он ступил на живую плоть причала, биорезонатор на предплечье вспыхнул тёплой волной узнавания — родное встретило родное. Лицо Эйрена оставалось закрытым.

Их было трое.

Мастера Резонанса. Я поняла это раньше, чем увидела: они шли, и Дом шёл за ними, вокруг них, впереди них — тихий, послушный, свой. Выше статуса, поверх всякой стражи — садовники живого космоса, что правят шёпотом и ладом, выведением новых форм и Направляющей Песнью, хранящие об Уходе Древних то, что ушло из памяти прочих. Двое были в возрасте, с гладкими покойными лицами и глазами, что вслушивались прежде, чем смотреть. Третья была старше обоих вместе взятых; её частота звучала так глубоко и ровно, что я принимала её телом — поверх обычного слуха.

Старшая остановилась перед нами и раскрыла ладони — пустые, тёплые.

— Мы ощутили ваше присутствие издалека, — произнесла она. Голос её звучал так тихо и ровно, что Дом затих, пропуская каждый звук. — Три осколка Двенадцати в одном караване. Такое случалось в последний раз тысячи лет назад.

Она окинула нас взглядом, что ловил наши частоты.

— Сердце Времени. Огнецвет. Ось Равновесия. И то, что сокрыто. Мы слышим всё, что вы принесли, дети.

Она назвала осколки истинными именами, каждый — по дару его носителя. Сердце Времени под моей одеждой откликнулось на её голос, потеплело от узнавания. Я прижала его рукой, удержала. Она поймала это своим слухом. Улыбнулась краешком губ — тепло, ласково, и в этом тепле стояла вся мудрость того, кто знает об осколке больше, чем сам носитель.

— Вы прошли путь через Соль и остывшие миры, — продолжила старшая. — Через гибель мира Древних. Через хватку Красного Суда. Вы истощены, дети. Селена даст вам сок и кров, исцелит ваши корабли, укроет за Венцом. Здесь рука Суда теряет хватку, и серая тень, что идёт за вами с изнанки живого, остаётся снаружи. Отдохните. Вы дома.

Тепло разлилось по причалу — широкое, обнимающее. Дом подхватил эту песню крова, и она вошла в тело. Плечи мои обмякли, тяжесть остывших миров стала отступать. Рай принимал нас, питал, говорил: вы дома.

Я держала слух открытым и ловила: кров был искренним, тепло было настоящим. И само это тепло вело нас — вглубь кроны, к заранее убранным покоям, к заранее отведённым местам, каждому своё, — тропой, проложенной ещё до нашего прихода. Дом обнимал и вёл. Всякая нежность ложилась там, где могла размягчить волю; всякое слово покоя гасило вопрос прежде, чем он возникал. Здесь правили одной лаской. Нас растворяли в заботе.

— Благодарю, — произнесла Лира.

Её привели к нам через ярус — она сошла с «Сирокко» в соседней полости, и Дом собрал нас в одном золотом зале. Лира стояла прямо, ассасин Ордена среди Мастеров Ордена, равная среди равных, — и я поймала эту ровность голоса, слишком чистую. Так держит голос тот, кто прячет клинок. За её ушной раковиной тихо шелестел привычный звук. Узел у её шеи молчал.

— Благодарим за кров, — сказала Лира. — Мы примем сок и лечение. Отдых будет коротким. Путь зовёт нас дальше.

— Путь, — мягко повторила старшая. И в этом повторе я поймала: о пути здесь знают больше, чем мы.

Нас развели по живым нишам кроны, где стены дышали и теплели от усталости входящего. Дом лечил нас, питал, укрывал. И день за днём, тихо, лаской, он вёл свою работу.

Мастера наведывались к нам. Они присаживались рядом, говорили скупо, зато много слушали. Их наставления лились щедро и размеренно — ровно столько, чтобы направить нас. Они делились знанием о древних путях живого космоса, о картах Великого Сада, о дорогах, что советовали избрать.

Они знали о Семени. Знали, что Эйрен — Хранитель, понимали, чего Семя требует и какую берёт цену. Их знание превосходило то, что Эйрен вынес с Танаиса. И всё, что они открывали, вело к одному: Семя должно пойти своим путём.

Их война была древней и тихой — стояние за живое дыхание космоса, охрана от серой угрозы. Для этой войны им нужна была карта и Семя.

— Мы только хранители его, — произнесла старшая ласковым тоном. — Отдай его нам под защиту Венца, Хранитель. Наши руки сберегут его, власть передадут Дому. Здесь, за исполинами, оно под защитой живого щита. Мы сохраним его до назначенного срока.

Эйрен слушал. Я стояла рядом — Дом собрал нас в одном зале, и я ловила ответ его тела прежде слов. Биорезонатор под ремнём держался ровным, тёплым. Меркаба над ребром молчала. Весь его облик был закрытым.

— Отказ, — произнёс Эйрен.

Одно слово. Голос остался тихим. Он положил ладонь на грудь, туда, где под тканью и Нитью лежала живая запись, и оставил её там. И я, певица, что слышит ложь и разлом в теле прежде слов, знала: он говорил правду. Он держал Семя закрытым, и здесь стояла одна правда, помимо упрямства и страха.

Под его коротким отказом я поймала глубинное: однажды в остывшем мире чужая рука уже вела его судьбу, чертила её за него, и он вырвал у той руки право самому решать свою судьбу. Теперь рука протянулась вновь. Тёплая. Родная. И оттого труднее было отказать.

— Я слышу ваши намерения, — произнёс Эйрен, и голос его углубился, развернулся, задышал. — Вы хотите сберечь. Я верю вашему слову. Однажды меня уже «берегли» — ковали и берегли ради моего же блага. Семя пойдёт путём, который я изберу. Дверью стану, когда сам решу.

Старшая молчала. Дом хранил тишину вокруг неё. И в этой тишине я поймала: русло, обнимавшее нас, на миг застыло — впервые встретив твёрдость, вставшую против нежности.

— Ты слышишь глубоко, Хранитель, — произнесла она. Тепло осталось в её голосе, стало глубже, терпеливее. — Дом умеет ждать. Дом ждал тысячи лет. Отдыхайте.

Она поднялась и ушла.

Живая связь протянулась между кораблями — от «Проксимы» до «Сирокко», сводя наши кроны тонкой нитью. По этому контуру я слышала голос Рины, когда она вела разговор с Мастерами. Речь её звучала иначе — речью равной среди равных.

Орден признавал в ней Оракула высокого положения. Та, кто водила эскадры левиафанов, та, что растила кластеры певчих сестёр. И сейчас она говорила своей властью, заслоняя нас.

— Вы хотите вплести их в свою игру, — произносила Рина, и Огнецвет пульсировал в такт словам. — Я знаю эту игру. Я сама вела в ней фигуры. Знаю, чем Дом забирает волю — нежностью вместо силы, песней вместо приказа. Так мягко, что грань между твоим выбором и их волей тает у тебя на глазах. Я делала это с другими. Теперь встану щитом. Защищая свою стаю.

— Ты одна из нас, старший Оракул, — отвечали ей голоса Мастеров. — Твой ранг выше. Их путь помечен печатью Суда, помечен серой тенью. Останься. Правь. Твоё место здесь, среди старших.

— Моё место — с ними, — отрезала Рина.

На самом краю нашего общего контура я поймала иное.

Иное, чем голос Рины, — голос Лиры. Короткий всплеск чужой боли прошёл по связующему контуру, острый и тут же спрятанный. Я вслушалась в него.

Тело Лиры Дорина исцелила, собрала заново. Боль жила глубже — в том, что Лира держала в тайне от других, прятала, заслоняла. Что-то в словах Дома, какая-то скрытая развилка тронула этот тайник, и он отозвался мгновенной вспышкой боли и страха. Лира скрыла это прежде, чем я прошла глубже.

Я отступила. Вскрывать чужие замки — дело, чуждое мне.

В этот миг холодная нить пробудилась.

Та самая серая жила, что Исай уловил под песнью Селены ещё на подлёте, — та, что таилась в сердце Дома. Она выжидала. Теперь, когда она шевельнулась, я поняла: все эти дни она ждала, пока живые уйдут в свои споры, пока Дом обратит всё внимание к Семени, к Рине, к карте. Пока его громадный слух сойдётся на нас, на гостях, на фигурах в его игре. Она ждала, пока живое обратится внутрь себя.

И живое обратилось. Серое пришло в движение.

Оно шло тонко, скрытно — той же рукой, что была над Дориной. Я узнала этот почерк, хотя встречалась с ним только один раз. Эта сила обходила открытые схватки, прямые удары. Одно искажение: серое стало расшатывать корень Дома, тянуть к тому месту, где голоса Резонанса сливались в одно, — и размыкать этот шов изнутри, оттуда, где затаилось давным-давно, выжидая своего часа.

Дом стоял в глухом забвении.

Исай поднялся.

Он стоял у живой стены покоя, там, где плоть яруса пульсировала под ладонью, и лицо его было обращено вглубь, туда, где иное вслушивалось в холодное.

— Началось, — тихо произнёс он. — То, что таится под песнью. Оно пришло в движение.

Я уже ловила это. Нить натянулась, напряглась, стала тянуть живую ткань Дома к себе, — а Дом, огромный, поющий, глухой к угрозе, пел над ней всё гуще, всё ровнее, в этой глухоте — над собственной трещиной.

— Нужно упредить их, — я поднялась. Сердце Времени на груди тяжелело, будило меня, торопило. — Мастеров. Они должны услышать.

— Скажем, — Исай повернулся ко мне. — Услышат ли — вот вопрос. Я слышу с той стороны, откуда пришло серое. Для их слуха мой голос — чужое. Сама частота нити останется за гранью их понимания. Чужак с Аширы. Кому из нас Дом поверит?

Я знала ответ. И всё же пошла к ним.

Шов раскрылся в момент нашего прихода в главную залу.

Мастера собрали нас всех — оба экипажа вместе. Они выслушали меня внимательно. И я видела: мой голос доносит одну тревогу, а до самой правды им очень далеко. Певица Дома Безмолвных Певцов кричит о яде в их сердце, слышащий чужое, с лицом, помнящим выжигание, указывает на их святая святых.

Серое перестало ждать.

Сердцевина кроны — священная полость, где сходятся все жизненные жилы Дома, где сливаются в одно все голоса Резонанса. Круглый янтарный чертог под вершиной главного ствола, полный вечной песней, — здесь зарождался тот величавый звук, что я впервые услышала ещё в складке. Отсюда пел весь Дом — вся Селена, весь Венец исполинов.

Здесь, под поющим полом, таился разрыв.

Он раскрылся прямо при нас. Серое, дождавшись часа, когда живые застыли в колебании, когда Мастера оказались между вестью чужаков и собственной глухотой, — серое ударило изнутри. Пол Сердцевины содрогнулся. Вековая песнь надломилась — впервые за тысячи лет чистая нота Дома дала трещину, и в эту брешь хлынул холод. Он поднимался из-под янтарного пола, из недр живого, из той самой жилы, что зрела здесь задолго до нашего прихода, — разрыв, тянущий живую ткань в пустоту.

Голоса Резонанса, тысячи голосов Селены, сошлись с этим холодом и дрогнули, теряя строй.

Дом издал крик — огромный детский крик целого мира, впервые познавшего смерть. Селена, веками чуждая всякой болезни, всякому износу, в единый миг осознала разрыв в собственном сердце и растерялась.

Мастера бросились спасать Дом.

Старшая вскинула руки, двое других встали по краям Сердцевины — весь их тысячелетний опыт пробудился разом. Они звали Дом к единению, сводили тысячи голосов в один узел, чтобы затянуть трещину, запечатать разрыв силой общего Резонанса. Так они делали тысячи лет, так отбивали натиск армад.

И всё же Дом оставался глухим.

Я слышала причину: голоса звучали вразнобой. Дом был надломлен ещё до прихода серого. Тонкая трещина разлада прошла через весь Резонанс ещё до прихода холода. Там, где Рина держала свою песню в общем хоре, теперь зияла пустота — она ушла к нам, и голос её пропал из общего звучания, оставив открытую полость.

Голоса тянулись друг к другу и проходили мимо.

Старшая обернулась к нам. Пот проступил на её древнем лице, голос, зовущий Дом к единению, стал срываться.

Узел на шее Эйрена пробудился.

Он молчал весь путь к Селене, молчал в кроне, хранил тишину у порога Сердцевины.

Теперь серое активизировалось, обнажилось, ударило — и узел Эйрена вспыхнул, опалил ему шею, запоздалый и яростный. Эйрен пошатнулся, рука его метнулась к горлу. Он узнал холод. Узнал ту самую руку, что разрушала щит над Дориной, метила их с изнанки — здесь, в сердце рая.

— Изнанка, — произнёс Эйрен, и слово камнем упало в поющий зал. — Она внутри. Давно.

Мастера услышали это от него — от чужака, чей узел различал изнанников.

Старшая обратила взор ко мне.

Я держалась поодаль — всегда держалась у края круга, там, где было моё место. Певица чужого Дома. Гостья. Та, что стояла вне их спора, в стороне от Семени и раздоров, что сохранила хор целым своим ростом. Вне раскола. И древняя старшая — знаток живого, чей опыт

превосходил мой десятикратно — увидела во мне то единственное, чего теперь лишился весь её Дом.

Того, кто стоит вне трещины. Того, вокруг кого могло бы вновь сомкнуться расколотое.

— Певица, — произнесла она, и голос её, что сзывал тысячи голосов, теперь взывал к одному. — Ты слышишь наш хор. Ты вне его. Войди в него. Стань осью, вокруг которой мы сойдёмся. Спой нас воедино.

Зал пел и рушился. Холод лизал янтарные стены. И вся эта древняя, громадная, тонущая сила взывала ко мне — ко мне, самой тихой, самой малой, той, что всю жизнь пряталась за чужим голосом, — стать голосом целого Дома.

Я испугалась.

Войти в чужой узел резонанса означало раствориться. Отдать себя множеству, утратить грань между собой и другими, забыть собственный голос среди тысячи чужих. Я знала эту цену телом: мой дар входил в чужую плоть звуком и проводил разрушенное через себя. Здесь плотью была вся Селена. Здесь разрушение шло сквозь целый мир. Войти — и быть поглощённой.

Я взглянула на Исая.

— Я поведу, — произнёс он. Он один знал, где таится серое, где смыкается шов, куда направлять пение. — Ты пой вслепую. Я буду твоим слухом. Я стоял на краю остывших миров и возвращался обратно. Выведу и тебя.

Двое чужаков. Певица Безмолвных и слышащий затихшее с Аширы, чьё лицо помнило огонь Сияющих. Двое, кому Дом доверял меньше всего. Мы встали спина к спине в тонущем раю.

Лира встала к нам третьей.

Она шагнула от края круга — ассасин Ордена среди своих — и Шелест за её ухом вздыбился, ощетинился, отзываясь на холод, лизавший зал. Она встала кольцом вокруг нас двоих. Когда первая стылая волна из шва ударила — той ледяной силой, что стирает волю прежде тела, — Лира приняла её на себя, встала между холодом и мной, своей волей заслоняя меня в тот миг, что был мне нужен, чтобы собраться. Я слышала это спиной: тёплую, твёрдую тень, что держала холод, пока я тянулась к первой ноте.

«Пой», — говорила она мне одной волей, минуя слова. «Я держу. Иди».

Я полностью раскрыла свой дар, впуская в себя многообразие звуков Селены — тысячи голосов, теряющих строй в хаосе, каждый звук, каждую дрожащую вибрацию.

Откликнулась всем существом. Лада пробудилась под кожей, наполненная теплом и силой, впервые проявив себя как ведущая энергия вместо привычного фильтра. Мой голос вырвался наружу, создавая основу для общего звучания, собирая, призывая, обещая гармонию, к которой можно было бы присоединиться.

Я погрузилась вся. Отбросила границы собственного «я», шагнув в сердцевину Дома, туда, где переплетались тысячи голосов, холод и трещина. Селена хлынула в меня целиком, я стала каналом для целого мира, теряя собственное присутствие в этом потоке.

Сердце Времени вспыхнуло на груди ярким светом.

Оно удерживало момент, растягивая его, давая драгоценное время для соединения с чужим звучанием. Этот артефакт защищал меня от полной потери, сохраняя тонкую связь с моей сущностью, с той Мирой, что стояла спина к спине с Исаем на вибрирующем полу. Именно для этого оно было мне дано, через все испытания с Солью и мёртвыми мирами сохраняя свою силу как спасательный якорь.

Исай указывал путь.

Сквозь холод и разрушение его уникальный дар находил нужную точку — ту самую тонкую линию в центре разрыва, где скрывалась угроза. Он молчал, направляя меня прикосновениями, своим особым восприятием иного мира, указывая путь: ниже, глубже, именно туда. И я следовала за ним, доверяя больше, чем собственному восприятию.

Огнецвет вступил в бой.

Рина, используя свои способности Оракула и силу своего артефакта, направила поток энергии точно в указанную точку. Жар проник в самую суть повреждения, начиная вычищать чуждую энергию из живой ткани.

Ось Равновесия обеспечила устойчивость.

Тал использовал силу своего осколка как опору, сдерживая структуру Дома от разрушения под напряжением. Его дар баланса стал стержнем, вокруг которого начал восстанавливаться мир.

Меркаба и Семя оставались в спокойствии.

Эйрен сознательно удерживал их силу, хранил хладнокровие. В момент, когда все остальные вкладывали себя, он сохранял свои способности закрытыми. Я чувствовала, какой ценой давалось ему это решение — стоять в стороне, когда другие отдают всё.

Я отдала свой голос полностью.

Всё, что во мне было, излилось наружу. Отбросила все защитные барьеры, все привычные ограничения, отпустила последнюю преграду, за которой пряталась всю жизнь. Тот тихий голос, который так долго сдерживали, вырвался в умирающий Дом — и оказался гораздо мощнее, чем я предполагала. Сильнее всех уроков и страхов.

Я слилась с целым.

Тысячи разрозненных голосов Селены потянулись к моей песне. За ней можно было последовать, ей можно было довериться. Звук к звуку, голос к голосу они сплетались вокруг меня. Я удерживала их всех — трепещущих, испуганных, живых — бережно, словно укачивая, даря тепло прежде силы, усмиряя тревогу множества прежде, чем собрать их в единую песнь. Дом восстанавливался, раскол затягивался живой тканью.

Я стала восьмой частью гармонии.

Семь голосов Резонанса годами вели Селену. Сегодня к ним добавился ещё один — чужой, тихий голос певицы Безмолвных, вступившей в их круг вопреки крови и Дому, лишь по воле помочь. Восьмой голос стал той осью, которая усилила их строй. Той, кто превратила расколотое в целое.

Я завершила исцеление.

Там, где Исай слышал холод, где Рина выжигала серое, где Тал поддерживал равновесие, я завершила работу: трещина умолкла, живой край сомкнулся над очищенной жилой. Высокая песнь Селены возродилась вновь — цельная, чистая. Я спела шов воедино, и Дом закрыл рану живой тканью.

Я вернулась.

Сердце Времени потянуло меня по связующей нити — назад. Я собралась из множества в единое. Отпустила чужие голоса, позволив им петь самостоятельно, уже соединённым, уже исцелённым. Переступила грань. Открыла глаза.

Исай удерживал меня за плечи. Я твёрдо стояла на ногах, сохранив себя.

Селену спасли — на этот раз.

Дом пел вокруг нас — цельный, чистый, тёплый — и в этой песне звучала великая благодарность. Мастера склонили головы в почтении. Старшая приблизилась и коснулась моего горла там, где Лада, всё ещё дрожа, возвращалась в тишину.

— Ты удержала мой Дом единой силой голоса, — произнесла она тихо.

Я ощущала искренность её благодарности. Дом изменился. Селена стала другой — той, что познала смерть и выжила. Той, что приняла помощь чужаков. Той, что отныне знала: даже рай может нуждаться в спасении.

Мы спасли Орден. Своим поступком доказали ценность в его игре. И теперь направляющая рука, что вела нас по пути, сжала хватку крепче — благодарная, заботливая, довольная удачным ходом своей фигуры.

Эйрен держался в стороне. Узел на его шее остыл, оставив багровый след. Семя за спиной по-прежнему хранило молчание, как и Меркаба над ребром. Он удерживал оба источника силы закрытыми — даже теперь, когда Дом раскрылся ему навстречу. Карта манила нас вперёд по Саду, Семя тянуло в сторону, к своим мирам. Дом желал совместить оба пути — по своему сценарию. Эйрен продолжал держать оборону.

Рина подошла к нам.

— Ты ощутила, откуда оно пришло? — тихо спросила она меня.

— Изнутри, — ответила я.

Рина кивнула. В этом движении читалось первое, мрачное понимание: враг, преследующий нас, глубже, чем мы полагали. Красный Суд, Соль, крейсеры — лишь поверхностный слой; под ним таится что-то иное, серое, древнее, управляющее и Судом, и Империей, дотянувшееся теперь до живого рая.

А загадка Лиры так и осталась для меня закрытой.

Она находилась рядом — целая, уравновешенная, своя. Где-то в глубине её существа, за гранью, под множеством замков, свёрнутая, дремала та тёмная сила, что однажды откликнулась на развилку судьбы и уколола меня своей болью через общий контур. Я улавливала её и там, в кроне, и здесь — боль в коже, тень, чьё имя спит.

Мы покинули Сердцевину, окутанные золотым светом яруса. Дом пел над нами — тёплый, исцелённый, благодарный, полный любви — и я воспринимала эту песнь всем существом, ставшим иным.

Я познала вкус единства чужого целого. Узнала, что значит удерживать целый Дом единственным голосом, быть стержнем для тысячи голосов, отдавать всего себя и возвращаться обновлённой. Та, что два года хранила молчание в мёртвом камне и пряталась за пределами любого круга, осталась в Сердцевине, в зашитом разломе. На свободу вышла другая — восьмая певица. Мой голос стал масштабнее. Я изменилась, и это изменение я ощущала ясно, тем самым слухом, что распознаёт трещины и рост в живой материи.

Под покровом благодарности Дома, за его тёплыми, любящими мелодиями, я уловила последний звук — тонкую нотку удовлетворения хозяев, наблюдающих за фигурой, совершившей ход прекраснее всех их ожиданий.

Я держала руки вдоль тела и воспринимала обе ноты одновременно — признательность и властную радость — и перестала от них укрываться, открылась навстречу обеим. Теперь я умела слышать под песней. Этому научил меня Исай, здесь, в слушающем раю.

Глава 6

Тишина остывшего порога

Селена окутывала нас многоголосым хором, и я спускался вниз, к единственной точке полнейшей тишины.

Мастер возглавлял процессию. За ним следовала Мира, за ней — я, дальше шли Лира, Рина, Эйрен и Тал. Спиральная тропа уводила вглубь живого организма Дома, пронизывая ярус за ярусом. Каждый уровень встречал нас своим уникальным звучанием. Верхние сферы звенели кристально чисто, словно капли росы на живых жилах. По мере спуска мелодии становились гуще, насыщались смолистыми тонами, рождались из самой сердцевины древесины, из соков, веками питавших крону. Мира впитывала эти вибрации каждой клеточкой — я видел это по её лицу, обращённому к каждой новой ноте, по выражению человека, обретшего родство с чужим счастьем.

Мой слух работал иначе.

Под каждым звучанием таилась его теневая сторона. Там, где жила рождала звук, я улавливал ту тишину, из которой он произрастал — её плотность, её движение вглубь, её ледяной отблеск. Тепло всегда стоит на остывшем основании. Любая песнь возникает из тишины, и именно тишина держит её в своих объятиях. Мой внутренний слух погружался всё глубже, проникая под каждую ноту, к её истокам. Этот дар раскрывался во мне свободно и широко, охватывая целую планету ярус за ярусом, до самого каменного основания.

Селена существовала благодаря молчанию своих корней. Я это слышал.

Тал остановился, прижал к стене ладонь.

— Она откликается, — проговорил он тихо. — Древесина помнит. Через мою руку идёт назад, к первородным истокам. — Он повернул голову, и трепет стоял в его глазах. — Я слышу мать, у которой забрали имя. Вердана — её ветвь. А здесь — её корень, основа.

— Дом узнаёт своих, — Лира вела ладонью рядом, лицо её оставалось собранным. — Меня растили из этой смолы. Я знаю голос каждого яруса.

Мастер обернулся, и голос его растёкся тёплой смолой по древесной ткани.

— Ниже, — произнёс Мастер. Голос его растекался тёплой смолой по древесной структуре. — Туда, куда путь закрыт живущим. Вы спасли Дом. И теперь Дом отвечает даром, открывая вам глубины, скрытые даже от сердцевины.

Мира восприняла эти слова с благодарностью. Я чувствовал, как они легли на её плечи почётной ношей. Рина встретила их более трезво — Оракул просчитывала баланс сил, взвешивала каждый шаг. Лира двигалась молча, проводя рукой по живой стене, читая Дом через прикосновение.

А я слышал под словами Мастера прежний замысел.

Спуск длился долго.

Звуки таяли с каждым шагом. Пышное многоголосье верхних ярусов осталось далеко вверху, превратившись в тончайший отзвук на самом пределе слуха. Здесь, в глубине, царила иная музыка — древняя, медленная, коренная. Живые жилы, помнящие планету молодой, пульсировали размеренно, словно в такт с самой историей. Тягучие соки поднимались к кроне веками, и каждый голос тут звучал тяжелей, весомей, ближе к камню, из которого Дом когда-то поднялся.

Мира замедлила шаг.

— Голоса угасают, — прошептала она. Лада отозвалась тихой дрожью. — Хоровое изобилие тает. Те, что остались, звучат глубже, тяжелее. Будто Дом сам себя забывает.

— Это корни, — отозвался Мастер. — Древжнейшие. Основа, на которой держится Селена. Сюда редко спускаются — живому здесь чуждо.

Я слышал иное.

Среди редких голосов древних корней, среди медленной песни первородных жил существовало особое место — точка, к которой стремилось всё окружающее пространство. Живые потоки обтекали её стороной, словно избегая прикосновения к чему-то застывшему. В самой глубине, ниже всех звучащих корней, таилось что-то иное — единственная точка на всей планете, глухая к тысячам голосов наверху.

Я устремился к ней, и тропа словно сама вела нас этим путём.

— Ты что-то услышал? — тихо обратилась ко мне Рина, внимательно наблюдая за моей реакцией оком Оракула. — Ты весь словно обратился внутрь себя.

— Да, — ответил я. — Там, впереди, абсолютная тишина. Она имеет форму, держит структуру.

Рина попыталась проникнуть своим зрением в ту же глубину, куда устремлялся мой слух.

— Там темнота, — призналась она. — Для моего взора — абсолютная пустота. Я вижу устройство вещей, а там... там пустота. Моё око теряет способность видеть.

— Это граница, — произнёс я.

Слово идеально описывало суть. Я мыслил категориями пределов — там, где живое меняет форму, тёплое становится холодным, известное встречается с тайной. Впереди и внизу простиралась граница, уходящая в самые недра живого Дома. Я ощущал её каждой клеточкой — её край, её грань, её холодную плотность. Она манила меня, и я тянулся к ней, словно две части единого целого, жаждущие воссоединения.

Мастер остановил нашу группу у входа в последний ярус.

Перед нами открылась огромная полость — древняя камера, высеченная живым корнем прямо в теле планеты. Стены дышали так глубоко и размеренно, что их дыхание переходило в едва уловимую вибрацию камня. Свет здесь был особенным — густым, медленным, пропитанным вековой историей. Мастер первым переступил порог и замер, пропуская нас вперёд.

Тал приблизился к древней стене камеры, приложил к древесине свою руку. Держал долго, словно пытаясь уловить едва слышный шёпот. Затем убрал ладонь.

— Молчит, — произнёс он, сохраняя в голосе наивное, детское изумление. — Кругом стоит сплошная тишина. Моё имя — сын Верданы, Мастер Структуры, Мастер-Садовник. Родное древо, взращённое янтарным соком, сохраняет глухоту к моим ладоням. Отклик полностью отсутствует.

Он обернулся ко мне, демонстрируя в чертах лица редкую смесь священного трепета с ребяческой обидой.

— Глубочайшая сущность нашего Дома выбирает чужого, — продолжил Тал почти шёпотом. — Дарует ответ человеку из иных миров, игнорируя того, чьи корни уходят в эту живую смолу.

Эти слова повисли в воздухе тяжёлым эхом.

— Дальше идёт только Исай, — произнёс Мастер торжественно. — Мы храним это место тысячелетиями. Мы называли его спящим корнем, застывшим зерном. Для нашего слуха оно пустое, для ока вашего Оракула — темно, для голоса певицы — глухо. Дом вырастил его и сам разучился слышать. — Мастер помолчал, и в этой паузе я уловил древнюю растерянность хранителя перед творением, которое превзошло его понимание. — Мы берегли его, зная, что оно зреет для своего часа. Дом отдаёт вам самое сокровенное. Примите дар.

Лира шагнула ближе к древнему корню. Её рука замерла у рукояти — даже здесь, в родном Доме, она держала тело собранным до конца. Такова природа того, кто живёт силой Ордена: всегда готова к действию.

— Артефакт нашего Дома, — произнесла она тихо, в голосе слышались смешанные чувства. — Отдаётся чужаку с Аширы. — В этих словах звучали и признание, и тонкая горечь. — Я слышу голос каждого яруса. Этот молчит для меня.

Её слова повисли в воздухе тёмной загадкой. Лира, выросшая в лесах Селены, познавшая каждый её вздох, вдруг оказалась перед тем, что оставалось для неё закрытым. Тем, что отталкивало даже её — дочь Дома, а откликалось на зов чужака.

Я слышал иное — под внешней благосклонностью таилась всё та же мягкая хватка, всё та же ладонь, подставленная чашей. Однако глубже этого расчёта, глубже намерений Дома я различал голос самого зерна.

Оно покоилось в дальнем конце пещеры, в чаше живого корня, который вырос вокруг него куполом. Тёмное, сухое, молчащее для всех присутствующих. Это была часть родного мира Лиры и Тала, говорившая лишь на одном языке — языке тишины, понятном только мне. Корень, проросший глубже всех остальных, до самой границы живого, до той черты, где Дом переходил в остывшее. Он вырос там, на самом краю, и потому стал чужим для тех, кто его взрастил.

Оно молчало моей тишиной.

Я застыл на пороге, и мой слух тянулся вперёд, к этому таинственному предмету. Что-то внутри меня откликалось на его зов, узнавало родственное. Зерно лежало там же, где существовал я — на границе живого и остывшего. Оно ждало того, кто способен слышать эту грань. Оно звало меня.

— Ждите здесь, — сказал я остальным. — Для вас оно чужое. А для меня оно говорит.

Я двигался к зерну один.

Полость смыкалась вокруг меня, окутывая тёплыми объятиями живой древесины, с каждым шагом воздух становился всё более холодным. Голоса Дома остались позади, у порога, где замерли остальные. Впереди царила абсолютная тишина. Моё тело словно само направляло меня — от тепла к холоду, от песен к тишине, шаг за шагом, размеренно, мягко. Холод впереди был мне знаком, и я скользил сквозь него с удивительной лёгкостью.

Зерно покоилось в чаше древнего корня.

Оно представляло собой тёмный, сухой предмет размером с два сомкнутых кулака. Живой корень вырос вокруг него куполом и застыл, оберегая и защищая. Я опустился на колени перед природной чашей. Мой слух тянулся вперёд, к самой сердцевине зерна, и я полностью отпустил его, позволив вести себя.

Мои руки протянулись вперёд.

Кожа на ладонях натянулась, охваченная лёгкой дрожью узнавания. Она чувствовала в зерне родственную сущность. Я прикоснулся к нему.

И тут произошло удивительное — остывшее отозвалось остывшему.

Для Дома, для ока Рины, для голоса Миры зерно оставалось молчащим. Для той части меня, что была обращена к тишине, оно заговорило — целиком и сразу, минуя привычный слух. Оно узнало во мне своего — ту же двойственность, что несла в себе: живое, укрытое под остывшей оболочкой, и потому отторгаемое теми, кто слышит только тепло. Оно ждало именно меня — того, чей слух был обращён в сторону пустоты.

Оно ждало меня.

Та часть меня, что была обращена к холоду, слилась с зерном в едином ритме. И в этот момент произошло преображение — сухое ожило. Через зерно прошла трещина света — тонкая, живая линия, одновременно зелёная и белая, — идущая от моего прикосновения к самой сердцевине. Спящий корень пробуждался. Он прорастал живой чертой прямо в моих ладонях, одновременно тёплым и холодным, живым и остывшим в одно мгновение.

Я держал в руках Корень Межи.

Он проникал в меня линией — тонкой, холодной чертой, пересекающей всё сущее, где живое переходило в остывшее, где тепло встречалось с холодом, где Свет оставлял свой след, а Изнанка искала лазейку. Я сам стоял на этой линии всем своим существом. Теперь я физически держал её в руках. То, что раньше я лишь слышал, теперь я мог видеть — ту серую нить,

которую уловил под золотым пением Селены. Теперь я различал её ясно, отчётливо, до самого основания. Я видел этой гранью границы между мирами, держал её своей сущностью.

Я стоял на коленях в стылой глубине, сжимая в руках проросшее зерно. Всё моё существо откликалось на него — сухим, тёмным, живым пламенем. Для живого Дома это оставалось сокрытым. Я один мог видеть эту грань. Я один имел власть над ней.

Я поднялся с колен, и в этот миг Корень сам раскрыл свою сущность.

Он развернулся во мне, обнажая свою истинную природу — от самых краёв Селены вглубь, сквозь пустоту, за пределы всякого расстояния. И там, на отдалённом конце этой нити, я различил присутствие другого.

Он стоял на той же черте, что и я. Связь протянулась мимо пространства, через ту самую грань, куда был обращён мой слух. Она обошла все преграды — стражи, живые щиты Дома, бдительность Мастеров. Голос с той стороны обращался только ко мне.

Он доносился обрывками.

Фрагментами образов. Отдельными словами. Холодом, знакомым до глубины костей. Живым под остывшей оболочкой — той же двойственностью, что жила во мне, той же гранью поперёк существа. Я собирал смысл из осколков, из пауз между словами, из того, что оставалось за пределами восприятия. Кусочек за кусочком. Тень за тенью. Я складывал картину из холодных фрагментов, как делал это всегда.

Корабль. Расколотый надвое. Одна половина цела, другая сорвана с осей.

Имя пришло через грань, минуя звук — Кэлар.

Он стоял на том же разломе, что и я. Различал то, что было скрыто от живого взгляда. Именно поэтому его и раскололо — потому что он увидел истинную сущность того, кто управляет Красным Судом.

Обрывки складывались в предостережение.

Изнанка таилась за Красным Судом и Сияющими. Древняя серая сила, что тайно правила Империей. Шов тянулся следом за нами, шаг за шагом. Там, где Свет оставлял след, Изнанка выискивала слабые места. Наша тень следовала за нами.

Враг заговорил со мной — и оказался вестником.

Я застыл в стылом покое корня, соединив три свидетельства в единую картину. Серая нить под живой песнью Селены — та, что мы с Мирой запечатали в Сердцевине. Рука, управляющая Судом, — которую Рина распознала наверху. Изнанка, что дёргает за ниточки Империи, — о чём Кэлар сообщил через грань. Три разных источника, разделённых пространством и временем, говорили об одном и том же. Одна истина, подтверждённая трижды.

Мы получили знание, превосходящее любые координаты.

Голос Кэлара истончился, отступая вдоль грани, растворяясь в том месте, откуда пришёл. Я удержал последнее его послание — образ шва, тянущегося за живым, и холод существа, стоящего на той же грани, что и я, по ту сторону войны. Грань сомкнулась. Я остался один, держа в руках проросшее зерно, храня в глубине новое пламя.

За спиной, у порога, ждали остальные.

Мира вглядывалась в меня — она уловила отголосок, тень движения через свой дар. Рина обратилась ко мне своим оком, заметив перемену во мне.

— Оно пробудилось, — произнёс я ровным, глубоким голосом, идущим из самой сути. — Дом взращивал его тысячелетиями, и оно открылось. Оно ждало того, чей слух обращён к тишине. — Я поднял руки с проросшим зерном, и трещина света в нём горела ровно, живо. — Дом, поющий жизнью, взрастил то, что говорит тишиной. И отдал это тому, кто способен слышать между мирами.

Я помолчал. Вся команда смотрела на меня.

— За гранью стоит второй, — продолжил я. — Тот, кого мы считали врагом. Он передал то же, что мы запечатали в Сердцевине. То же, что уловила Рина. Изнанка правит Красным Судом из тени. Суд следует за нами.

— Второй? — Эйрен шагнул вперёд, и его холодный расчёт на мгновение дрогнул. — Сияющий говорил с тобой?

— Через грань, — ответил я, удерживая его взгляд. — Он на расколотом корабле у Бездны Мерцания. Ослеп от того, что увидел. Ему осталась одна связь — эта черта, на которой стоим мы оба. Он увидел серую тень за строем Суда. Оттого его и раскололо.

— Значит, за нами идёт что-то большее, чем Суд, — медленно проговорил Эйрен, заново складывая карту угрозы. — За нами идёт то, что ведёт Суд. И оно древнее любых координат Сада.

Рина приблизилась, её око пылало мрачным пониманием.

— Три голоса, — прошептала она. — И все говорят одно.

— Да, все об одном, — подтвердил я.

Лира стояла в стороне, Шелест за ухом был насторожен. Рука по-прежнему лежала на рукояти.

— Враг, подающий сигнал, — отчеканила она настороженно. — Ассасину нужны действия, а слова сквозь грань стоят мало. И всё же три разных источника утверждают одно и то же, — признала она факт.

Дом пел над нами, тёплый, благодарный, укрывающий. Здесь, в стылой глубине, у самой грани живого, я держал в руках дар, позволяющий видеть сквозь эту песню до самого шва. Дар, вручённый чужаку с Аширы. Осколок родного Дома Лиры и Тала, отданный тому, кто слышит тишину.

Я держал грань между мирами — и грань подсказала: пришло время уходить.

Мы поднимались обратно медленно и размеренно.

Спиральная тропа вела нас вверх через те же ярусы, и Селена провожала нас своей песнью — тёплой, благодарной, исполненной любви. Звуки густели у корней и редели к кроне, набирая высоту и влагу. Мира впитывала их всем существом, обновлённая и преображённая. Я же бережно нёс у груди проросшее зерно — оно хранило свою особенную тишину, оставаясь чужим в тепле поющего Дома, доступным лишь моему восприятию.

— Семя тянет в сторону от карты, — Эйрен шагал впереди, голос его звучал ровно, высеченный из камня. — От карты Сада, к своим мирам. Карта зовёт вперёд. Сад лжёт. — Он обернулся через плечо, взгляд его был холоден и расчётлив. — Следовать координатам — значит идти туда, где нас поджидают. Следовать за Семенем — значит вырваться из их сетей.

— И к живому истоку, — Тал держался рядом, его рука скользила по стене, читая древние письмена ярусов. — Семя ведёт к тому, что древнее любой карты. Я чувствую это древесиной. Карта — лишь чертёж. Семя — живой корень.

— Суд идёт по нашему следу, — Рина несла в себе тяжкое знание, держа его в строгих рамках Оракула. — Изнанка ищет шов. Остаться под ладонью Дома дольше опасно вдвойне. Рай мягок и липуч — он растворяет волю.

Лира заговорила, в её голосе прозвучало решение, воля лидера:

— За Венец, — произнесла она коротко и чётко. — Пока Дом держит слово, пока жилы отпускают корабли. Уходим за защиту исполинов, дальше — за Семенем, прочь от карты.

— За Венец, — эхом откликнулся Эйрен, и в этом повторении прозвучала окончательность решения.

Команда переглянулась. Каждый понимал: это больше, чем отступление. Это начало нового пути — пути, ведущего прочь от всего знакомого, туда, где ждут новые испытания и новые истины.

Поднимаясь по извилистым коридорам, я вслушивался в каждого члена команды новым, дарованным артефактом восприятием. Тонким инструментом, способным уловить малейшие вибрации между мирами, я считывал их сущности там, где живое соприкасалось с собственной глубиной.

И в этом восхождении произошло внезапное озарение — я коснулся Лиры. Моё новое восприятие лёгким прикосновением слегка вошло в её аурическое поле, обнажив то, что таилось глубоко. За множеством ментальных замков, в самой сердцевине её существа, дремала тёмная сила, обращённая к холоду. Там жила боль, потерявшая имя.

Лира отреагировала мгновенно. Её Шелест вздыбился за ухом предупреждающим гребнем, рука рванулась к рукояти оружия, а тело развернулось ко мне пружиной ассасина — быстрее, чем мысль успевала сложиться в сознании. Её взгляд пронзил меня остро и настороженно.

— Держи свой слух при себе, — произнесла она тихо и твёрдо, её голос натянулся струной. — То, что моё, — остаётся моим.

— Я отступил, — ответил я столь же тихо. — Коснулся и сразу отпрянул.

Мгновение она удерживала мой взгляд своим — пронзительным, застывшим. Затем её Шелест медленно опал, рука расслабилась, отпустив рукоять. Она отвернулась, и между нами встало молчаливое согласие: я оставляю её тайны, а она хранит свои замки закрытыми.

Отголосок той скрытой тени остался во мне, затих далёким отзвуком. Его смысл был так же глубоко спрятан от меня, как и от самой Лиры.

Я продолжал восхождение, неся в себе это молчаливое знание наряду с проросшим зерном у груди — артефактом, способным видеть сквозь миры и слышать то, что укрыто от других.

Мастера ожидали нас у выхода из глубины.

Старшая возвышалась впереди остальных. За её спиной Дом пел — тепло и грусть слились в едином звучании, ибо он уже всё понял. Я улавливал в мелодии эту двойственность: под слоем благодарности таилась горечь прощания. Рай осознавал, что его спаситель готовится покинуть эти пределы, унося с собой самое сокровенное. И всё же рай отпускал.

— Ты унесёшь его за Венец, — произнесла Старшая тихо. В её словах звучала окончательная решимость.

— Да, — ответил я просто.

Её взор был прикован к зерну у моей груди, к светящейся трещине в нём, и я ощущал внутреннюю борьбу в её существе — древнее стремление удержать, взвесить каждый момент, замедлить, остановить. Дом мог бы задержать нас. Корабли срослись с живыми жилами Материнской Ветви, и одно лишь промедление превратило бы их отлёт в насильственное вырывание корней. Я чувствовал, как эта воля вспыхнула в Старшей — и как она её подавила.

— Тысячелетиями мы взращивали его, готовили, — промолвила она. — Теперь я вижу, для кого. — Она склонила голову. — Дом отпускает.

Мягкая ладонь раскрылась до конца, оставшись пустой.

— Корабли исцелены, — добавила Старшая. — Живые жилы отпустят их. Уходите, пока Дом верен своему слову.

В её голосе звучала глубокая, размеренная печаль. Рай отпускал своих спасителей, отдавая им самое ценное, и в этом акте расставания была тихая, полная горечь. Я слышал, как Дом провожает нас своей песней — тёплой, любящей, исполненной скорби.

Мы направились к кораблям.

«Проксима» и «Сирокко» медленно отрывались от живого ложа. Живые жилы Материнской Ветви одна за другой отпускали исцелённые корабли. Каждая оторвавшаяся нить звенела с тихой, почти человеческой болью.

Я стоял в рубке «Проксимы», держа артефакт у груди. Рядом застыл Эйрен: руки по локоть погружены в живое лоно, лицо сухое, закрытое. Чуть поодаль у прозрачной мембраны

замерла Мира. Ей, певице, разорвать эту связь давалось тяжелее всех — она впитывала прощальную песнь Селены каждой клеточкой своего тела, и слёзы молча текли по её щекам.

Второй корабль я ощущал контуром живой связи, протянутым между бортами. В чреве «Сирокко» Лира держала курс, её ассасинская воля стояла тугой струной. Там же Рина несла в себе наше новое, тяжёлое знание о враге, ровно держа себя в строгих законах Оракула. Тал положил руки на живую ткань корабля, проверяя его малый ход.

Я видел их всех сквозь грань и сквозь сталь. Разделённые на два корабля, мы уходили за Венец единой стаей.

И уносили с собой Корень Межи — дар, способный видеть и удерживать грань между живым и изнаночной стороной. Уносили истину о враге — знание, собранное из трёх разных источников. Направлялись за Венец, навстречу следу шва, к той Изнанке, что тайно управляет Судом. Позади оставался поющий Дом — тёплый, благодарный, исполненный скорби. Впереди простиралась холодная пустота, где ждал тот второй, стоящий на таком же пороге, что и я.

Мы миновали Венец.

Селена пела нам, провожая, и с каждым мгновением её голос становился всё тише, всё призрачнее. Я бережно держал зерно у груди, и оно отвечало мне своей особенной, плотной тишиной. То едва заметное дрожание живого, что зародилось глубоко внутри ещё в самом начале нашего пути, продолжало расти — теперь уже во мне, становясь гранью, обращённой к правде.

Глава 7

Призматический ложный след

Световодный Канал закрылся за кормой, и резонанс Ксерона отзвучал в пробитом пространстве.

«Преломление-9» шёл сквозь Оптический Проход тёмным корпусом — гранёная гора кристаллической стали с оплавленным срезом борта. Кварцевая взвесь боя ещё оседала на мостике. Мелкая пыль, сбитая с переборок ударом распада, стояла в фокусе серой мглой и ложилась на грани. Световоды глохли один за другим. Спектральная мощность держалась на четверти. Я вёл искалеченный корпус по зеркальному следу, и след тянулся впереди тонким зеркальным вектором сквозь пелену Бездны.

Позади шёл Красный Суд.

Формирование крейсеров пробило Проход следом за мной — тяжёлые гранёные исполины, слепые к смыслу, зрячие к вектору. Они держали мой спектр в фокусе наведения. Ксерон транспортировал его в Совет целым, до последней частоты, и теперь весь Дом читал меня оптикой погони. Грань за гранью космос знал мой распавшийся контур. Отсечённый. Меченый спектральным инфо-ключом изменника. Я шёл впереди формирования, что выправило меня и сводило теперь к покою.

Две трети решётки хранили выправленный строй. Кристаллические переборки тянули высокий тон, доминировавший над каждым кораблём Дома с первого преломления Света-Основы: холодный, чистый, единый, очищенный от всякого термо-хаоса. Эти две трети я узнавал. В них стоял Вейгард — его полдень, его вечная частота, его завершённая геометрия.

Треть шла тьмой.

Она начиналась от левого борта мостика и уходила вглубь корпуса рваной гранью. Свет входил в неё и терял себя, гас в мутной толще, у самых начал световодов. Кристалл помутнел до цвета старого нагара. Срезы сбились с угла, обрываясь слепыми обрубками. По той стороне шёл распад: порода оседала, дробилась, роняла в пустоту чёрную взвесь, и осколки стояли в объёме мостика медленной сажей, оседая на чистых переборках, куда распад ещё только подступал.

Левый сектор грани ока давал сбой. Там, где выверенная оптика читала прямой угол, дестабилизированная половина ломала свет: пространство за левым бортом двоилось, шло тёмным искривлённым овалом, преломлялось в хроматические фантомы. Я фиксировал Бездну надвое — чистым сектором прямо и ровно, тёмным сектором криво, глубже, дальше нормы. Устав знал такое искажение и звал его аберрацией, дефектом восприятия, подлежащим отсечению. Сквозь этот дефект я различал зеркальный след там, где чистая оптика гасла.

Онемевшая грань держала встречный процесс. Там, где полагалась сплошная порода, в решётке стояла полость, и полость излучала термо-хаос — тепловую аномалию, чуждую всякой норме, всякой геометрии. Тихую, влажную, чуждую чистоте. Устав звал такое загрязнением, подлежащим отсечению. Я удерживал его в структуре и считывал его пульс — тепловой ток в теле из кристаллической стали.

Впереди, у начала Прохода, стоял рубеж.

Пограничная застава Вейгарда — цепь призм-часовых, брошенных на самый край известного пространства, последний грань-заслон перед серой пустошью. Гранёные, слепые к смыслу, зрячие к всякому контуру, проходящему сквозь их сеть. Они держали устье Оптического Прохода ровной сетью лучей и ощупывали каждый вектор, входящий в их поле. Зеркальный след живых фокусов уводил прямо в них. И Красный Суд гнал меня туда же, в спину, в узкий створ между часовыми, где всякий проходящий ложился под сеть.

Я шёл на четверти мощности. Выверенная половина слепла в створе — застава считывала её сразу, снимала контур, сверяла со спектральным ключом, и ключ отвечал: изменник, отсечённый, свести к покою. Прямой проход означал вскрытие корпуса на месте.

Тьма в трети решётки читала иное.

Там, где чистая оптика упиралась в сеть часовых, дестабилизированная половина различала зазор — тонкую тепловую погрешность в узоре лучей, тот самый влажный шум, что Устав велел выжигать. Погрешность вела мимо створа, вдоль края заставы, тем зыбким контуром, где сеть истончалась до самой Бездны. Термо-хаос в полости тянул корпус туда — вбок, в обход, по кривой, укрытой от выверенного расчёта.

Я задал корпусу эту кривую.

Управляющая грань легла на распад левого борта, и распад повёл. Выверенная половина держала ровный Вектор Смещения на створ — приманкой, ложным контуром, идущим прямо под сеть; тёмная половина уводила настоящий корпус вбок, вдоль истончённого края, мимо часовых. Два движения сразу: чистая грань лгала заставе, тёмная полость вела кривизной. Один сбой в любом — скол.

Часовые щупали ложный контур в створе. Настоящий корпус скользил краем, за пределом их сети, вдоль самой Бездны, где хроматический фантом дестабилизированной оптики совпадал с зыбкой прорехой в лучах. Гарь осыпалась гуще. Переборки левого борта затрещали сухим стеклянным треском. Полость излучала термо-хаос сильнее, и жар её прорывался к граням, обращённым к часовым. Я гасил его — покой чистой стороны поверх теплового тока.

Застава осталась позади.

«Преломление-9» вышел за рубеж — в серую пустошь, куда уводил зеркальный след. Формирование крейсеров встало у створа, у сети часовых, у грани, за которую флот Суда заходил крайне редко. Погоня отстала на пороге пустого.

Тогда вектор обратился к работе.

На кристаллическом алтаре мостика разворачивался градиент — две линии слежения за зеркальным следом. Метка Красного Суда лежала на живых фокусах ровной Осью Порядка, фазовым сдвигом, отъюстированным для перехвата. Серый слепок Изнанки лёг вторым слоем. Обе линии тянулись из единого истока — того, что возник с Уходом Древних и шёл за живыми фокусами всюду.

Красный Суд держал след. Флот стягивался по метке к точке смыкания.

Здесь стояла моя явная сила.

Верховный Юстировщик читает каузальный градиент — выверенную траекторию будущего. Расккладывает грядущее на чистые составляющие и фиксирует, где сомкнётся любая грань, где вектор воли пересечётся с чужой волей. Я обратил дар на след погони. Матрица развернула путь Суда — точку за точкой, фазу за фазой: где пройдёт флот, каким сдвигом стянется засада, в какой координате сомкнётся кольцо на живых фокусах. Красный Суд ждал их на шве, куда вела метка. Всё лежало чисто, всё вычислялось.

Я начал строить подмену.

Красный Суд опирался на чистоту моего спектра. Прежде я сам задал этот вектор преследования — гранью полного покоя, восприятием Юстировщика, чья решётка держала идеал. Суд принял тот расчёт и шёл по нему. Обмануть их теперь означало вложить в ложь всю прежнюю отъюстированную достоверность.

Я создавал фальшивый вектор — Смещение, каким живые фокусы легли бы при моём первом расчёте. Грань за гранью вычислял математику подмены: куда потянулся бы их след по прежней оси, с какой вибрацией достоверности. Вписывал погрешности чужого хода, отпечаток снижения фазы у чужих корпусов, тень их дисперсии. Суд разложил бы вектор на составляющие, искал бы дефект. Я строил ложь так, чтобы дефект укрылся от ока. Каждая выправ-

ленная грань лгала моему Дому. Я вкладывал в неё всю верность, обращая верность против братьев.

Подмена сомкнулась.

Я запечатал её в чистый спектр, ровный до последней грани, и отпустил в Световодный Канал под видом донесения ведущего фокуса. Ложный вектор ушёл к флоту — увёл погоню по прежней оси, в пустой сектор, к шву, где Суд станет ждать на пороге пустого. Живые фокусы уйдут стороной, за рубеж, куда я правил их след.

Я вёл их к траектории преследования. Я вёл их к траектории сближения.

Вектор Смещения лёг на встречу. «Преломление-9» шёл серой пустошью за зеркальным следом — искалеченный, отсечённый, целый на четверть, — и правил корпус к смыканию с живыми фокусами, прочь от перехвата. Дар фиксировал точку, где мой распавшийся контур сойдётся с их защищённым контуром. Я держал эту точку в фокусе и вёл корпус к ней.

Тогда пришло касание.

Оно вошло в полость помимо всякого луча. Чужая частота — тонкая, влажная, солёная на краю — легла в тёмную полость и произвела то, что лежало вне всякой математики.

Матрица развернула касание на составляющие и упёрлась в противоречие. Термо-хаос, войдя в распадающийся кристалл, обязан ускорить распад: тепловая аномалия дробит грань, влажный ток крошит породу — так гласил каждый расчёт, что Спектр вложил в мою решётку. Расчёт лгал. Дефект, растивший скол, обрёл устойчивость. Треснувшие переборки замерли на середине трещины. Осыпь встала в объёме. Разрыв, тянувший корпус в скол, замкнулся на чужой частоте и встал — сшитый, целый. Термо-хаос держал мою решётку там, где геометрия рассыпалась.

Я прогнал вычисление снова — трижды, четырежды. Матрица сходилась. Изъян в породе давал прочность. Чужая грань несла мою.

Устав знал слово для такого касания. Устав велел отсечь.

Я держал чужую частоту в решётке, целый впервые с раскола, и вёл корпус на встречу.

Чужая частота держалась в полости — тонкая, влажная, солёная. Я обратил дар вдоль неё, к истоку.

Матрица развернула её путь — сквозь пустошь, сквозь пробитое пространство, за пределы всякого расстояния, туда, где грань живого сходилась с гранью остывшего. На дальнем конце стоял носитель. Живой фокус — тепло, запечатанное в иную оболочку. Двойственный контур, зеркальный моему: я нёс живое под гранью кристалла, он нёс живое под гранью иного. Тот же разлом внутри. Та же грань, где норма сходится с распадом.

Он стоял на той же черте, что и я. И оттого частота его прошла туда, куда Устав закрыл доступ.

Я мог отсечь её. Мог свести полость к покою, выжечь термо-хаос, восстановить когерентность. Устав велел это. Вместо этого я обратил вектор в другую сторону — к нему.

Я собрал знание в спектр.

Двойная слежка на живых фокусах: метка Красного Суда по оси координат, серый слепок Изнанки под ней. Единый исток обеих — тот, что возник с Уходом Древних. Серая воля внутри Дома, ведущая флот Сияющих гранями. Полдень Вейгарда, несущий службу серым. Я свёл всё в один выверенный градиент, точный, строгий.

И отпустил информацию в чужую частоту.

Матрица зафиксировала отправку. Выверенный спектр входил в тёплый приёмник и распадался в нём. Точная геометрия, пройдя сквозь грань в живое, дробилась на осколки: фазы теряли угол, оси гасли, цельный градиент рассыпался обрывками. Термо-хаос чужого корпуса ломал мою чистоту тем же изломом, каким крошил её распад в моей трети. До носителя доходили осколки — образ расколотого корпуса, имя, тень предостережения, серая воля в глубине Дома.

Я держал передачу, пока чужая частота вбирала осколки.

Точность уходила. Знание оставалось. Носитель на дальнем конце собирал мой распавшийся спектр тем же трудом, каким я собирал зеркальный след сквозь пелену Бездны, — из фрагментов, из пауз, из того, что оставалось за гранью. Он складывал картину из холодных осколков моей истины.

Чужая частота истончилась и отступила вдоль грани.

Я удержал последнее — тепло существа, стоящего на той же черте, по ту сторону войны. Грань сомкнулась. Полость держала остывающий след касания, ровный и тёплый.

Впервые за долгую жизнь Верховный Юстировщик отдал спектр ради спасения живого.

Я вёл корпус на встречу, целый на четверть, и нёс в решётке чужое тепло, которое сшило меня и приняло мою истину.

***

Корабли шли через складку, и складка забирала свет.

Забирала постепенно: сначала темнело дно, следом края, дальше поверхность смыкалась над головой. Я стоял в рубке «Проксимы», и Корень Межи, который я держал у груди, чуть дрожал — мелко, гулко, тёплыми толчками в ладонях. Тёплое. Живое. Осколок, что взошёл на моей ране, — застывшее зерно, проросшее живой гранью света. Эйрен вёл корабль — пальцы его то расслаблялись, то напрягались, читая ток под оболочкой, и по живой ткани лона ходили волны, медленные, глубокие волны. Мира стояла у мембраны обзора, ЛАДА у её горла тянулась к следу тонкой обращённой струёй — нитью, которую слышала и держала она одна, и в этой нити была вся дорога. Из грузового трюма, из глуби корабля, тянуло Семя — тянуло нас в сторону от карты, прочь от всех координат. Мы шли за его тягой давно, привыкли, вросли в эту тягу.

Складка сомкнулась.

Первым угас голос корабля — стих сам живой отклик: у цветка, что привык шептать под ветром, пересохли лепестки. Огни на живой панели утекли — цвет ушёл из лона, побледнел до белизны и сошёл в ровную тишину. За панелью умолк корабль. Живое лоно под руками Эйрена ослабило дыхание, и я ощутил это глубже слуха, глубже зрения, костями: ритм, что держал нас всех тугой полнотой паруса, — этот ритм ослаб, притих, до шёпота, до ниточки, что ещё тянулась, а держать уже отказывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.